

[Polaris]

С. Р. МИНЦЛОВ

КЛАД

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXXVI

Salamandra P.V.V.

**Сергей
МИНЦЛОВ**

КЛАД

Повесть

Salamandra P.V.V.

Минцлов С. Р.

Клад: Повесть. Илл. Ф. Плетнева. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 125 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXXXVI).

В серии «Polaris» продолжается издание произведений выдающегося библиофила и библиографа, занимательного рассказчика и одаренного прозаика, журналиста и путешественника, археолога и коллекционера С. Р. Минцлова (1870-1933). В новом выпуске серии – приключенческая повесть «Клад».

С. Р. МИНЦЛОВЪ

КЛАДЪ

ПОВѢСТЬ

— СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ —
ХУДОЖНИКА Ѳ. ПЛЕТНЕВА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Книгоиздательство „ВСХОДЫ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 7 РОТА, № 26.

КЛАД

Повесть

ГЛАВА I.

- Роман!
— Что?
— Стало быть, конец! Прощай, наше Лу-
нево!...
— Да, навсегда расстанемся с ним ско-
ро...

Разговор этот шел в уединенной комнате большого помещичьего дома, выходившей окнами в старый, запущенный сад; среди нее стоял бильярд. Разговаривавшие лежали на двух диванах, сходящихся под углом у стен.

Роман, темно-русый юноша лет пятнадцати, с вихрастыми волосами и крупными, резкими чертами лица, обличавшими твердый характер и положительный ум, лежал, закинув руки за голову, и упорно глядел на выступ изразцовой печи. На нем была холщовая кадетская рубашка с красными погонями и такой же кушак. Последние слова брата больно задели Романа... Он стиснул зубы и не ответил ни слова.

— Интересно бы узнать точную цифру долга? — продолжал одетый в серую куртку гимназист лет четырнадцати,

начавший разговор. Подвижное, сухощавое лицо его было выразительно и красиво; в черных бойких глазах светился задор. Звали его Александром. Прибавим, что в противоположность тяжеловесному и угрюмому на вид Роману, Александр был поклонником всего красивого и изящного и потому очень заботился всегда о своей наружности.

— Очень интересно!... — буркнул Роман. — Имение продают с молотка, а за сколько — все равно!

— Ну, положим!... Зная величину долга, можно бы устроить комбинации какие-нибудь: занять или продать часть земли.

— Все перепробовал отец!

— А теперь, не говорила мама, куда он поскакал с ночным поездом ?

— В город!... Денег искать, да у кого? Кто даст, когда объявлено, что имение к аукциону назначено?!

Наступило молчание.

— Как бы нам помочь, Роман? — начал опять гимназист. — Так бы хотелось!... Ломаю, ломаю голову — и все не могу придумать. Вдруг бы войти к маме и — на, вот тебе, мама, полный мешок с золотом! Или бы 200.000 выиграть...

— А билет у тебя есть?

— Билета-то нет...

Разговор опять оборвался. Александр, который долго не мог пробыть в спокойном состоянии, вскочил с дивана и, небрежно засунув руки в карманы, заходил по комнате,

— Нет, как бы помочь, как бы помочь, Роман? Каждый ведь куст луневский дорог; родное оно нам — и вдруг все отберут чужие, купцы какие-нибудь! Сад вырубят, — для них это первое дело! А на его месте салотопенный завод открывают. Жалко Лунева!

— Отца мне жалко. Болтаешь все зря: как мы поможем? Где они, деньги, у нас?

— Надо добыть!

— Как?

Александр не дал ответа. Братья скоро разошлись по пустынным комнатам.

Подобные разговоры не раз происходили между ними. Настроение в доме царило гнетущее. Отца их, владевшего довольно большим состоянием, вовлекли в спекуляции, и он очутился вдруг накануне полного разорения. Мать, полюбившая женщина, слегла окончательно. Для сокращения расходов вынуждены были отпустить гувернантку единственной дочери Зины. В доме как будто лежал умирающий: все ходили на цыпочках, говорили шепотом. Только третий сын, самый младший в семье, весной перешедший из приготовительного в первый класс гимназии, шумел и беззаботно носился по лестницам угрюмого дома, наполняя его смехом и гамом. Нравоучения Александра о неприличии такого поведения не помогали: Юра проникался ими на миг, но скоро забывал и снова летел с радостными криками по двору или комнатам.

После описанного выше разговора, за целый день старшие братья не обмолвились друг с другом ни словом; правда, Александр попытался было начать еще раз беседу с Романом, но, увидав, после долгих поисков, что тот насупясь сидит в конце самой глухой аллеи, не решился подойти к нему и направился к сестре, на террасу дома.

Зина, увлекающаяся и заразительно веселая прежде, с уходом гувернантки резко изменилась. Она вдруг поняла всю величину грозившего им несчастья, и смех и беззаботный говор ее стихли. Даже хорошенькое продолговатое личико ее, обрамленное чуть выющимися темно-русыми волосами, вытянулось и похудело. Большие синие глаза приобрели вопросительно-испуганное выражение. Услыхав чьи-то быстрые шаги, Зина положила на колени книгу и подняла глаза.

— Идея! — заговорил Александр, взойдя на террасу и останавливаясь в излюбленной им небрежной позе перед сестрой. — Иванова ночь, кажется, дней через 7 будет?

— Да, через неделю... а что?

— Я, конечно, глупостям разным не верю... — продолжал Александр с озабоченным видом, — но отчего бы и не попробовать, раз дела наши обстоят так скверно? Как это только мне раньше в голову не пришло !

— Да что, Саша?

— То, что не пойти ли в Иванову ночь поискать цветок папоротника: говорят, в эту ночь он приобретает чудодейственную силу. Конечно, может быть, это и сказки, но ведь достоверно известно, что все растения приобретают разные свойства, в свои сроки... Может, и действительно, у папоротника является странная сила? Отчего не попытаться?

— Конечно, отчего же?... — поспешно отозвалась жадно слушающая любимица всей семьи, Зина; Саша был для нее чем-то вроде оракула. — Только это страшно одному: ты поговори с Романом!

— С Романом я говорить не стану!

— Отчего, Саша?

— Оттого, что все равно из этого никакого толку не выйдет. Он скажет, что все это глупости. Если бы можно было уговорить его!...

— Ты объясни, как это важно. Ты так хорошо умеешь говорить!

— Что ж, что я умею говорить! Объяснить можно только тому, кто будет тоже говорить с тобой; а ведь он, по своему корпусному обычаю, ответит: «дурак» и на этом и кончит.

— Хочешь, я скажу ему?

— Ну, он вместо дурака «дура» скажет, — только и будет разницы!... Нет, эту затею бросить надо!... — добавил после раздумья Александр. — Роман не пойдет... Другое что-нибудь надо выдумать!

И Александр ушел размышлять в аллею, соприкасающуюся, впрочем, с излюбленными им клубничными грядками, часто помогавшими ему развеивать меланхолию.

Отца ждали к ужину, но он не приехал; это служило плохим знаком, и расположение духа всех омрачилось еще более.

Молча прошли мальчики в свою комнату, молча разделались и улеглись по постелям. Юра звонко начал было рассказывать, какого огромного окуня вытащил он утром на удочку; но Роман буркнул на него, и Юра нырнул в пос-

тель, завернулся с головой в одеяло и через минуту уже спал сладким сном.

Роман долго слышал, как Александр возился на своей постели. Наконец, Александр тихо окликнул его:

— Роман!

Роман промолчал.

— Роман! — повторил Александр и, не слыша опять ответа, тяжело вздохнул и замолк.

Ночь уже уходила с земли, когда Роман почувствовал на плече своем чью-то руку. Он открыл глаза и при чуть брезжившем в окно свете различил сидевшего на краю постели его, завернутого в одеяло брата.

— Чего тебе? — недовольно спросил Роман.

— Роман, — прерывающимся голосом проговорил Александр. — Роман, я нашел средство помочь нам!

— Ну? Веников нарезать да в гимназию вашу продать? — насмешливо спросил Роман.

— Нет! Ты любишь археологию, так слушай: мы должны с тобой отыскать клад!

Роман приподнялся на локте.

— Клад? Ты в уме или совсем рехнулся? Кто его для нас закопал?

— Нет, я в уме! — горячо возразил Александр. — Выслушай до конца только! В старину были войны, разбои, и жители зарывали свои сокровища в землю; то же делали и разбойники в становищах. Так ведь?

— Так. Ну, дальше что? — Роман сел рядом с братом.

— А места таких становищ более или менее известны, — это раз. Наконец, из истории известно, что на реке Воже стояло богатое село, которое оборонялось от татар и было сожжено ими; жители перед приступом, конечно, закопали свое и церковное имущество. Поищем там, а ничего не найдем — спустимся к Оке; там были притоны разбойников, много пещер, курганов... Иначе мы ничего не можем сделать. И вдруг нам удача будет! Вообрази только, Роман: ни мама, ни отец ничего не знают — и вдруг явемся мы и принесем котлы с деньгами! а?

Роман крепко задумался. Идея брата поразила его воображение.

— Что ж, ты прав! — проговорил он наконец. — Удастся, не удастся, а попробовать мы обязаны. И чем скорее начнем дело, тем лучше! Только как мы уйдем из дома? Вожа ведь в Рязанской губернии, — целая ночь езды до нее!

— Уйти — пустяки! — уверенно возразил Александр; такое неожиданно быстрое согласие брата, обыкновенно нелегко соглашавшегося с ним, наполнило его радостью. — Нас ведь давно зовут к себе погостить Левашевы, — отпросимся к ним и уедем...

— Да ведь Левашевы в Нижегородской губернии живут... как же мы к ним поедем?

— Да мы и не поедем к ним вовсе: скажем так только... Конечно, это нехорошо обманывать, — но ведь мы не так себе это сделаем, а ради папы же с мамой? Если скажем правду, нас не отпустят!

— Верно! — угрюмо согласился Роман, не терпевший никаких сделок с совестью, что позволял себе иногда Александр, всегда находивший потом оправдание своим поступкам и легко успокаивавшийся поэтому. Александр вскочил с постели брата; одеяло полетело в угол, а сам он заплясал босиком по комнате.

— Ура! Едем, значит, едем!

— Эх разбирает его! — сказал Роман, глядя на выкидывавшего необыкновенный антраша брата. — Подумаешь, ты уж нашел клад, что так возрадовался!

— Когда же мы едем? Сегодня, завтра? Лучше сегодня!

— Надо сперва маршрут составить, — места выяснить хорошенько, где могут быть клады зарыты; а затем ехать. А деньги где возьмем на поездку? — неожиданно добавил Роман.

Александр остановился.

— Деньги?... Да, вот деньги!... — Александр сел. Наступило молчание.

— У меня есть скопленных за зиму 25 рублей с копейками... — сказал Роман. — У тебя сколько?

Александр вздернул плечами: он умел только тратить, и небольшие карманные деньги, выдававшиеся ежемесячно отцом, незаметно расходовались им на духи и перчатки.

— У Зины есть! — радостно вскрикнул он через минуту. Роман поморщился.

— Откроем ей свой план, значит?

— Конечно! Что ж такое! Она не хуже нас сумеет сохранить тайну! А деньги у нее есть, — она сама мне говорила!

— Сколько?

— Десять рублей.

— Итого тридцать пять. Хватит ли?

— Хватит! — уверенно возразил Александр. — Еще бы! Да ведь и мама же даст нам сколько-нибудь на дорогу...

— А если у мамы нет?

— Ну, как нет!.. каких-нибудь 25 рублей? Мама же давно обещала отпустить нас к Левашевым.

— Стыдно теперь у мамы спрашивать!

— Да ведь мы же не на ветер бросать хотим эти деньги! Мы их вернем. Ну, у мамы не будет, — зайдем у кого-нибудь! Вернемся — расплатимся!

Непоколебимая уверенность, звучавшая в голосе брата, видимо, действовала на Романа. Он проворчал сквозь зубы что-то вроде: «Медведя не убил, а шкуру продаешь уже» и стал одеваться.

— Надо точно рассчитать маршрут, — заговорил он опять, — по пустыкам плутать некогда. Компас возьмем с собой, карту.

— Главное, провизии необходимо побольше, — подхватил Александр. — Как можно больше надо ее взять: в населенные места мы показываться не будем, — в лесах будем.

— Это зачем?

— Как же! ведь мы кладоискатели: могут выследить и помешать, отнять все... Наконец, подумают, что мы убежали откуда-нибудь, и в первом же селе заберут нас. Непременно тайно надо действовать. Ох, как же это интересно будет!

Александр даже подпрыгнул от удовольствия.

Еще не вставало солнце, когда оба брата, одетые, но с сапогами в руках, осторожно пробрались по анфиладе комнат в библиотеку; во всех углах и под старинной мебелью прятались сумерки; казалось, не тени это, а остатки снов гнездятся еще везде и все и живое и неодушевленное объято и грезит ими. Затаив дыхание, прокрались братья мимо комнаты чутко спавшей матери, поднялись по скрипучей лестнице наверх и очутились в просторной библиотеке. Установленные книгами полки от потолка до полу покрывали стены. Посреди комнаты, под висячей лампой, находился большой квадратный стол, покрытый зеленой суконной скатертью; около него стояли два кресла.

Полдень застал братьев в той же библиотечной комнате. На столе грудями лежали открытые исторические книги, развернутые чертежи и карты. С братьями была и Зина. Раскрасневшаяся от волнения, она стояла и слушала Александра, развивавшего перед нею план действий; глаза ее блестели; если бы не больная мама, она, казалось ей, так бы и ринулась за братьями в эту страшную, но так и манившую к себе поездку. Она первая предложила на общее дело подаренные ей к рождению деньги; их в копилке оказалось 12 рублей.

Роман сидел и делал выписки и отметки на одной из подробных карт.

Общий совет решил затем насытить как можно больше черного хлеба, не есть получаемой за завтраком ветчины, раздобыть солонины, чая, сахара, словом, все, что возможно, и прятать все это в укромном месте. Александр предложил навялить сырой говядины по образцу американских охотников, как описывается это у Майн Рида, но практичный Роман отверг его мысль.

Ехать решили через три-четыре дня: такая отсрочка вызвана была необходимостью собрать провизию. Роман мужественно отказывал себе во всем, в чем только было возможно. Зина делала то же; сверх того, она добыла откуда-то холста и, по указанию Романа, усердно кроила и шила из него мешки. В избе у скотницы сушились черные сухари, густо посыпанные солью. Александр крепился один день,

но на другой из груди его при каждом куске, подносимом вместо рта к карману, стали вырываться легкие вздохи. В видах «облегчения души», по его выражению, он, прежде чем прятать, нет-нет и нюхал аппетитную свежую ветчину.

Отец то приезжал, то опять уезжал куда-то; он был так расстроен и озабочен, что обратиться к нему за разрешением поездки мальчики не хотели. Выждав, когда отец выехал из дома, они отправились к матери, и та сейчас же отпустила их и дала на поездку тридцать рублей. Бедная женщина сделала это охотно, так как хотела развлечь детей, от которых, несмотря на старания ее, не укрылось печальное положение дел.

Радостные возвратились братья в свою комнату. Здесь их ожидал первый удар.

На одной из кроватей сидел Юра и с мрачными видом болтал ногами. Старшие не обратили было на него внимание, но он скоро сам заговорил с ними.

— А вот я скажу маме, что вы врете ей!

Александр подскочил на месте.

— Что, что ты сказал, несчастный?!

— А то, что я знаю все: вы вовсе не к Левашевым едете, — провизии-то у вас я полный чемодан на чердаке видел! Я все слышал, как вы вчера вечером переговаривались: вы думали, я спал, а я все слышал! Все скажу!

Уговоры, угрозы и всевозможные обещания остались напрасными. Юный первоклассник упорно твердил свое: или пусть возьмут и его или он разрушит затею, открыв ее.

После долгих споров и взрывов отчаяния со стороны Александра, Роман отозвал Александра в сторону и сказал ему, что надо согласиться. Юра мальчик шустрый и крепкий и потому в тягость им не окажется. Решение это было объявлено Юре, и тот чуть с ума не сошел от восторга. До отъезда оставалось еще два дня. Сборы продолжались с новым рвением. Александр, пользуясь случаем, свою долю забот свалил на Юру, поручив ему, между прочим, и поиски кирки и двух железных лопат, которые самоотверженно и были найдены тем среди груд сора и старого хлама в сарае.

Атаманом экспедиции, как самый сильный и положительный, был избран Роман; Александра сделали казначеем, Юру — провиантмейстером. Мальчики дали торжественную клятву повиноваться приказам Романа, хотя и решили вместе с тем устраивать на привалах советы.

Полные хлопот, споров и сборов два дня пролетели быстро; осталась одна ночь, последняя перед задуманным путешествием.

Зина долго, пока не явилась за нею горничная, не уходила из комнаты братьев. Под постелью Романа стоял небольшой, раздувшийся от поклажи старый чемодан, перевязанный ремнями: в нем находилась провизия. Роман читил и осматривал револьвер; Юра брал с собой лук, стрелы и удочки, при помощи которых рассчитывал снабжать общество дичью и рыбой. Александр лежал и мечтал вслух о скрытых в земле сокровищах. Когда Зина, крепко расцеловавшись со всеми и тайком перекрестив Сашу, убежала к себе со слезами на глазах, мальчики стали раздеваться и скоро улеглись по постелям. Но сон был далеко от них.

Александр заявил, что возьмет с собой ружье; но Роман воспротивился, заявив, что оно будет только мешать и выстрелы привлекут чье-нибудь совершенно ненужное им внимание.

Александр уступил. Но под влиянием ли темноты и сознания, что только одна ночь отделяет их от нешуточного предприятия, им стало овладевать странное чувство. Минутами ему делалось так страшно, что он готов был все отдать, лишь бы разрушилось как-нибудь или отдалилось задуманное.

— Знаешь что, Роман! — нерешительно проговорил наконец он. — Надо бы нам взять еще кого-нибудь с собой...

— Что? Это еще зачем?

— Нам одним не справиться. Вдруг попадется большой котел или сундук с деньгами, — мы его и не вытащим? А кто чемодан понесет?... Да наконец, на нас могут напасть где-нибудь в лесу... Степку бы взять с собой: он богатырь!

Роман презрительно засмеялся.

— Трус! — коротко проговорил он. — А револьвер-то у меня зачем с собой?

— Вовсе не трус! Что твой револьвер поможет, когда на нас сонных нападут? Вед мы же не в доме, а на открытом воздухе ночевать будем.

— А твой Степка много поможет: спит, как чурбан!

— Со мной Кучум пойдет: он, чуть что, сейчас зачует и разбудит нас! — заявил Юра. Кучум был огромный лохматый пес из породы овчарок, с которым Юра находился в теснейшей дружбе.

— Это дело! — отозвался Роман. — А то Степка тебе понадобился, — баба!

Юра фыркнул.

Но Александр не сдался на такую «корпусную», как он называл, аргументацию и решительно заявил, что он не пойдет, если не возьмут Степку. После долгого и горячего спора, в котором храбрый Юра стоял за Романа, — решено было взять и Степку. Тут же изобрели объяснение причины явившейся необходимости в Степке: телеграмма их к Левашевым может опоздать, и если не вышлют вовремя лошадей, то придется тогда искать их по деревням, находящимся далеко от станции.

ГЛАВА II.

Вечером на другой день наши путешественники уже мчались в поезде по железной дороге. У всех замирало сердце. Роман, не выдавая волнения, с бесстрастным лицом сидел и осматривал пассажиров. Юра перескакивал с места на место и радостно смеялся. Александр вел себя сдержанно, как подобает взрослому, но поминутно улыбался и глядел то в окно, то на братьев. Между ними сидел ухмылявшийся, курносый Степка, квадратный, безбородый парень, с бычачьими плечами и грудью, с добродушным, но глупым лицом. У ног Юры жался всклокоченный серый Кучум, с нависшими над умными глазами седыми кустами бровей и с лохматыми усами.

Ехали все в третьем классе. Александр воспротивился было этому, но Роман, поддержанный Юрой, сурово заявил, что раз у них есть товарищ — Степка, они должны ехать вместе с ним, и что нужно помнить, что они едут на черную работу.

Пассажиры мало-помалу убывали; наконец, кроме наших путешественников, в вагоне никого не осталось. Едва затворилась дверь за последним, Юра сорвался с своего места и с хохотом, с криком запрыгал по лавкам. Кучум лаял и, стараясь поймать его, подскакивал и становился на задние лапы.

Александр снисходительно поглядел на разыгравшегося брата и заговорил со Степкой.

— Степка!

— А?

— Ты думаешь, мы к Левашевым едем?

— А то куда ж?

— Вот и нет. Мы клад искать едем!

На круглом, как блин, лице Степки выразилось изумление; затем он недоверчиво ухмыльнулся.

— Ладно! надувай еще!

— И не думаю тебя надувать: едем искать клад; а так как сундук с деньгами может оказаться очень тяжелым, мы и взяли тебя для помощи.

— Какой такой сундук? — разинув рот, проговорил Степка.

Серьезные лица Романа и Александра показывали, что с ним не шутят.

Роман, понятным для Степки языком, принялся рассказывать ему разные события из истории. Мало-помалу тугой мозг Степки воспринял смысл их поездки, и лицо его озарилось лучезарной улыбкой.

— Ах, волк те заешь! — воскликнул он, так хлопнув себя по колену, что будь на месте последнего доска, она разлетелась бы, как одуванчик. — Ну и обмозговали дельце!... А ну как нас заберут?... — опасливо добавил он минуту спустя.

— Как это заберут? — иронически ответил Александр. — А это у тебя что? — и он кончиком выхоленного пальца дотронулся до пудового кулака Степки. Тот с недоумением поглядел вниз, увидал, на что указывал Александр, понял, в чем дело, и захохотал.

— Я таку оглоблю себе в лесу выворочу, что не подойдут! — уверенно заявил он.

До полуночи шел у них оживленный разговор и совещание на эту тему; участия в нем не принимал только Юра: утомленный треволениями дня и предшествовавшей ночи, он сладко спал на жесткой скамейке, подложив локоть под голову.

В окна глядела черная ночь. Миллионы ярких искр сыпались то по одну, то по другую сторону вагона.

Скоро и все, убаюканные мерным стуком колес и плавной качкой, последовали примеру Юры.

ГЛАВА III.

Первым поднялся Роман, тотчас подошел к окну и открыл его. В душный вагон ворвался свежий утренний воздух; Роман высунул голову и стал жадно дышать им. Только что начинало светать; безоблачное, голубое небо обещало чудный день; на востоке алели полосы. До Рыбного, станции назначения их, оставалось уже немного.

Холод, ворвавшийся в окно, заставил мирно спавших путешественников поежиться; Роман разбудил их и пошел умываться. Скоро все были готовы и стояли у окон в ожидании остановки.

Перед глазами их бежали поля и леса. Юра внимательно приглядывался к каждому бугорку и холмику, подозревая, что в каждом из них зарыты сокровища.

Наконец послышался протяжный свисток; поезд пошел медленнее, почувствовался переход по стрелкам, в окно показалось двухэтажное кирпичное здание с надписью «Рыбное», платформа с жандармом, сторожами и заспанным начальником станции в красной фуражке; раздался свисток обер-кондуктора, и поезд остановился. Юра стремглав бросился к выходу, за ним последовали и остальные. На подъезде станции их обступили, предлагая услуги, мужики-извозчики; с десятков запряженных лохматыми, понурыми лошаденками телег стояли у круглого садика, разбитого перед вокзалом. За кустами сирени, наполнявшей садик, виднелись деревья и соломенные крыши села Рыбного.

Пыльная дорога, обсаженная старыми ветлами, или «улица», рассекала село. У колодца с высоким «журавлем» стояли несколько баб с ведрами на коромыслах; на солнцепеке играли белоголовые ребятишки.

Путники отыскивали лавку, и Роман со Степкой зашли в нее сделать последние закупки; скоро они возвратились с длинным и тонким железным прутом с заостренным концом, необходимым для прощупыванья почвы, с котелком,

сковородкой, черным хлебом и с целой корзиной картофеля.

В кустах за околицей сделали привал и приступили к разгрузке чемодана; прежде всего, из него вынули холстинковые мешки, сшитые Зиной, наподобие тех, что носят за спинами странники; по мешкам разложили все припасы пропорционально силам каждого; Степке и Роману, как начальнику экспедиции, выпали наибольшие доли. Окончив дележ, Роман развернул карту, определил с помощью компаса дальнейший путь, затем скатали по-военному шинели, взяли из дома по настоянию Романа; подкрепились хлебом, запили прозрачной водой из ручья и тронулись в дорогу.

Путь к Воже лежал полями. По обеим сторонам пыльной дороги волновалось море зеленой ржи; вдали темнели кое-где острова лесов. В голубом небе звенели невидимые жаворонки. Становилось жарко.

Навстречу не попадалось ни души. Юра, сопровождаемый обнюхивавшим все кусты Кучумом, шел впереди. Лук и стрелы были у него наготове, но дичи не попадалось.

Облитые потом, добрались, наконец, путники до опушки первого леса.

Александр прислонился спиной к бугорку и комфортабельно, как на кушетке, улегся на мягком мху под развесистой елью. Роман с картой и компасом в руках присел вблизи него и углубился в изучение местности. Степка и неутомимый Юра отправились в лес: первый за палками, второй на охоту.

Не прошло и пяти минут, как вдруг Александр вскрикнул и вскочил на ноги. Роман поднял голову и с удивлением взглянул на кривлявшегося брата.

— Что с тобой? — проговорил Роман, подымаясь с места. — Что тебя так корчит?

— Муравьи! о-ох! муравьи! — прокричал Александр, неистово отряжая и выцарапывая облепивших его и немилосердно кусавших насекомых: бугорок, к которому из любви к удобствам прислонился он, оказался муравейником. На небольшом конусе его, словно черная сеть, кишела густая

масса встревоженных насекомых.

Роман помог брату раздеться и вытрясти из платья последних врагов.

Александр схватил валявшийся на земле сук и в виде отпущения швырнул его в муравейник.

— Отвратительные насекомые! — проговорил он, укладываясь снова, с меньшим уже комфортом, но с большей зато безопасностью.

Немного спустя возвратился, таща необъятную охапку зеленых веток и целых молодых деревьев, Степка.

— Во, сколько палок нарубил! Выбирай, барчук! — проговорил он, и град палок посыпался рядом с Александром. Александр отодвинулся.

— С ума спятил ты, Степка! — сказал он. — Тебе велели четыре палки сыскать, а ты целый воз притащил!

Степка ухмылялся. Выбрав огромную, толщиной в руку, дубину, он вытащил нож и принялся очищать ее от сучьев.

Александр открывал глаза и то следил за работой его, то опять закрывал смежавшиеся от истомы веки.

— Сделай и мне палку, — проговорил он, увидев, что «посошок» Степки уже готов и тот, осклабясь, пробует его увесистость.

Степка выбрал для этой цели менее внушительное, однако все же с добрую оглоблю толщиной деревцо и принялся было его обстругивать, но Александр вовремя открыл глаза и остановил его.

— Да не такое! — проронил Александр. — Это разве палка? Это бревно какое-то! Вот ту мне очисти!

Рука Степки взялась за другую корягу.

— Эфту?

Александр вынужден был встать, выбрал из груды палок ореховую тросточку толщиной в палец и подал ее Степке.

— Вот такую нужно!

Степка подкинул ее в руке.

— Чаво с такой палкой в лесу делать? — сказал он, принимаясь за очистку трости. — Пыль охлестывать с себя, что ли?

Роман выбрал себе сук по руке и стал превращать его в палку.

Скоро возвратился и Юра; лук и стрелы его остались без применения, но в поле куртки его было что-то завернуто. Подойдя к братьям, он молча встряхнул полу; из нее выкатились два серых комка. То были ежи.

— Только и всего? — сказал Александр, поглядев на ежей. — Немного! Горе ты, а не охотник!

— Чем же я виноват, что никакой дичи нет? — возразил задетый за живое Юра. — Что нашел, то и принес. Майн Рид говорит, что ежи очень вкусны.

— Скусны? — вмешался в разговор Степка. — Да нешто их едят?

— Конечно, едят! — ответил Юра.

— Таку гадину-то?

Александр расхохотался; Роман улыбнулся тоже.

— Какие же они гадины? — проговорил он, желая ободрить сконфуженного Юру. — Юра прав: их едят в Америке, и вкусом они напоминают молодых поросят. Но пока у нас есть провизия, к их услугам прибегать мы еще не будем.

— Я думаю! — заметил Александр — Мы приехали сюда не затем, чтобы переесть всех ежей в окрестностях!

Путешественники тронулись в путь, и через час, покрытые пылью и потом, стояли уже над обрывом довольно высокой горы; перед ними по привольным заливным лугам зеркальной змеей вилась узенькая речонка; густые кусты обвисали с берегов ее к воде; на противоположной стороне подымались леса..

То была знаменитая в русских летописях Вожа. Усталость позабылась; все горели желанием немедленно приступить за работы, и только пример Романа, заявившего, что сперва следует отдохнуть и закусить, несколько охладил пыл Александра и Юры.

Все спустились к берегу; не прошло и минуты, как не успевший раздеться Юра с радостным криком мчался уже по отмели в воду; за ним последовали и остальные. Кучум улегся около оставленного платья и, положив морду на лапы, следил умными глазами за купающимися.

Освеженные и укрепившиеся, вышли путешественники из воды и занялись сбором хвороста; через несколько минут на песке весело затрещал костер, и Степка принялся печь картофель.

Наскоро утолив голод, Роман стал определять местонахождение их на карте.

— Господа! — проговорил он наконец. — Эти луга, которые окружают нас, — и есть место знаменитой битвы с татарами; левее же — вон там, — он указал рукой на темневший в версте от них над самой рекой обрыв, густо заросший лесом, — там, должно быть, находилось село.

Юра швырнул высоко вверх фуражку.

— Почему ты думаешь, что оно именно там было? — спросил Александр. — Мне кажется, наоборот, село надо искать где-нибудь ниже, а не на крутом холме. Для землепашцев жить на высоте неудобно.

— Теперь — да! — возразил Роман, — но ты забываешь время, о котором говорим мы. В те времена люди всегда селились на более или менее неприступных местах, — это раз. Второе — на низменностях здесь селиться нельзя потому, что это поемные луга, а они затопляются в половодье Вожей!

— В таком случае, село должно было стоять дальше — ну, в верстах в четырех от берега, куда не достигала вода...

Роман усмехнулся.

— Какие же чудачки стали бы селиться так далеко от воды?

— Три-четыре версты далеко? — горячо возразил Александр. — Как же теперь за 30 да за 40 верст отходят от рек? Всем нельзя на реках рассестся.

— Да, но это *теперь!*.. — ответил Роман, складывая карту. — Теперь, когда на Руси около 150 миллионов жителей, этого нельзя сделать; но тогда здешние места были почти пустыней. Кому могло доставить удовольствие сидеть без воды и копать колодцы, когда была полная возможность иметь под рукой прекрасную воду? Вожа славится кристальностью воды.

Побежденный доводами брата, Александр замолчал, и

все двинулись к заветной горе.

По мере уменьшения расстояния до нее, все ускоряли и ускоряли шаги и под конец почти побежали. Запыхавшись, взобрались они на густую, поросшую кустами и лесом вершину. Слева и справа круто извивалась Вожа; на лугах высились стога сена; между ними, у леса, близко подступавшего к воде с противоположной стороны, пасся табун; у самой опушки виднелись человека два-три сторожей, мальчиков, лежавших в кустах и беседовавших между собой. Роман указал на них Юре и знаком показал ему, чтобы он не изъявлял шумно своих восторгов. Верстах в двух позади, на подымавшемся плоскогорье, виднелась деревня и обсаженная деревьями большая дорога. Роман нарочно миновал ее и избрал путь проселком, чтобы избежать возможных встреч с кем бы то ни было.

Котомки сложили, и мальчики, к великому недоумению Кучума и Степки, стали внимательно разглядывать землю.

— А ты чего же стоишь, как пень? — сказал Александр, увидав, что Степка глядит на них, застыв в одной позе.

— Чаво искать? — спросил Степка.

— Да ты разве забыл, о чем мы тебе говорили? Несколькo сот лет тому назад где-то здесь стояла деревня, — надо сыскать следы ее!

Степка зажал рот рукой и фыркнул.

— Каки тут следы через сто лет! — убежденно проговорил он. — Через сто лет и камни все порошком делаются!

И Степка решительно уселся под куст и принялся жевать черный хлеб.

Как бы в подтверждение мнения Степки, ни кирпичей, ни остатков фундаментов не отыскивалось. Юра предложил раскопать всю гору, и не успел никто возразить ему, как он схватил лопату, к которой Степка приделал на привале в лесу ручку, и со рвением принялся рыть яму.

Покопав минут десять, он понял, что такая работа не под силу не только всем им, но и ста человекам, — сконфужено положил лопату и тихо уселся около Степки.

Старшие братья продолжали поиски; наконец, Роман вооружился щупом и, напирая на него, стал медленно, на

всю длину, загонять его в землю. Саженный прут со скрипом входил в суглинок, но, несмотря на величину свою, не натыкался ни на что твердое.

Александр стоял рядом с Романом и с напряжением следил за его работой.

Устав, Роман передал щуп Степке. Разведки продолжались еще часа два; тщательно исследовали часть горы, выстулавшую к реке; там, по мнению Романа, на самом видном месте горы должна была стоять церковь.

Наконец прут уперся в что-то твердое и остановился.

Александр подскочил к Степке и почти вырвал щуп из рук его.

— Копать надо, копать! — прерывающимся от волнения голосом проговорил он; но Роман пожелал сперва исследовать хорошенько поверхность найденного предмета. Щуп вынули и на расстоянии вершка от только что оставленного им отверстия снова вонзили его; эту операцию повторили несколько раз, и Роман убедился, что загадочный предмет не что иное, как простой булыжник. Александр, с блестящими глазами, весь красный от возбуждения и непривычной работы, настаивал на раскопке и, схватив лопату, принялся со Степкой за работу. Не углубились они в землю и на аршин, как Роман, внимательно следивший за ними, поднял руку.

— Довольно! — отрывисто проговорил он. — Земля не насыпная, а наносная, — ничего в ней нет. Здесь нам искать больше нечего!

— Почему ты знаешь? — спросил Александр, обернувшись к нему.

— А по пластам! — Роман указал на один из боков ямы. Александр перевел глаза на него и увидел волнистые разноцветные линии слоев песка и глины. — Если бы этот холм был насыпной или если бы здесь зарывали что-либо, то пласты эти были бы перемешаны.

— Да, но ведь эти верхние пласты могли образоваться уже над местом прежних построек! — горячо возразил Александр. — Развалины Ассирии, Трои, наконец, Египта, — все затянута сверху наносными пластами!

— Да, но разве кругом этой горы есть такие же песчаные степи, как там? Самумы в Сахаре в один порыв передвигают с места на место миллионы пудов песка, а здесь нет ни таких ветров, ни такой почвы... Затем, взгляни: за слоем песка идет глина; глина наноситься ветрами не может. Видишь, как ровно наложены эти слои друг на друга, — это значит, что их осадила друг на друга вода.

— Вода? Это каким образом? — с любопытством спросил внимательно слушавший Юра.

— А вот как. Эта равнина и гора, на которой стоим мы, были когда-то покрыты рекой, из воды которой постепенно осаживались частицы почвы, унесенные ею с верховьев...

— Здесь была вода? на горе?

— Несомненно, — ответил Роман. — Все эти извилины плоскогорья не что иное, как берег когда-то протекавшей здесь грандиозной реки. А вот и другой берег! — он указал рукой на отдаленные возвышенности, подымавшиеся на противоположной стороне.

Юра оглядел гигантское русло и всплеснул руками.

— Господи, — вскричал он, — да ведь это по ширине четыре Волги выйдет!

— Да. Потом, с обмелением реки, наша гора сделалась островком среди нее; вода все опадала и превратилась наконец вот в этот ручей!

Юра, задумавшись, глядел вдаль и представлял себе могучую картину первобытной Вожи.

— А все-таки я буду копать, — проговорил Александр и опять принялся за лопату.

Роман не ответил ни слова, подошел к выступу горы и, стремясь разгадать тайну местонахождения древнего села, задумался.

Юра забрал удочки и спустился к реке. Солнце близилось к закату, когда Александр молча выкинул свою лопату из ямы и, усталый и перепачканный, вылез на поверхность. За ним последовал и Степка.

Роман подошел к яме и заглянул в нее. На глубине приблизительно двух с половиной аршин, на дне ямы лежал в глине круглый бульжник.

ГЛАВА IV.

Начинало смеркаться, когда над краем горы показались длинные удилища и затем голова Юры. Он возвращался торжествующий: в руке он держал связку с висевшими рыбами; между ними темнели и бились два громадных окуня.

Роман и Степка не потеряли времени в свою очередь: чтобы сделать костер незаметным, они расширили яму, устроили уступы, могшие служить лавками, натаскали веток, и на дне ямы весело запылал огонь.

Александр не принимал никакого участия в их работе и только поглядывал на свои руки, натертые ладони которых покрылись волдырями. Степка устроил над огнем треножник из палок, повесил на него котелок с водой, и через какой-нибудь час путешественники усердно принялись уничтожать распространяющую аппетитный запах уху.

Сумрак висел кругом, когда, окончив ужин, Роман вылез на поверхность горы и огляделся. Ночь обещала быть

безлунной. На темном небе мигали несколько звезд. Вершины деревьев смутно выделялись на нем зубцами. Тишина царила невозмутимая.

Роман подошел к обрыву над Вожей, и спустя немного, позвал Александра.

— Посмотри, Саша! — проговорил он, и какая-то особенная, мягкая нотка почудилась в его обыкновенно отрывистом голосе, — Точно море или бездна под ногами и кругом нас, черная, неведомая... Хорошо!

Александр огляделся, и жуткое чувство охватило его. Действительно, ночь казалась зиявшей со всех сторон черной бездной. Юра не говорил ни слова и жался к Роману.

То была первая ночь, проводимая ими под открытым небом.

Скоро все стали устраиваться на ночлег. Юра и Александр, так протестовавшие против шинелей, когда Роман настаивал на том, чтобы их взяли с собой, сползли в яму, укутались в них с головами и улеглись около костра. Роман и Степка расположились наверху, у края ямы; Кучум лег между ними, и немного спустя все, кроме Романа, уснули глубоким сном.

А Роман откинул с лица край шинели и долго глядел на начавшее вызвездиваться небо и вслушивался в чуткую тишину ночи.

Какой-то новый мир, сказочный, полный чудес, захватывающий дух, — открывался сердцу его.

Наконец и Романа повалил сон.

Пробудил его холод и какие-то странные звуки. Роман поднял голову и прислушался. Небо чуть-чуть серело; внизу над рекой и лугами висел густой туман. Звуки, пробудившие Романа, выходили словно из-под земли. Кучум лежал молча, плотно прижавшись к нему. Роман приподнялся больше и увидел, что на дне ямы, где спали Александр и Юра, сидит над угасшим костром какая-то бесформенная фигура; через минуту Роман разобрал, что перед ним Александр с шинелью, накинута на голову. Он раскапывал золу и бранился.

— Что ты, Саша? — спросил Роман, свешивая голову с края ямы.

— Холод рассобачий! — проговорил Александр, щелкая зубами. — Издохнешь здесь, пока клад найдешь! Да еще костер погас. Хоть бы кто пошевелился ветку подбросить!

— Да ведь вы только вдвоем костром пользуетесь, — вы бы и подбрасывали дрова! — сказал Роман.

Тем не менее он встал, набрал поблизости сухих сучьев, сбросил их в яму, спустился сам в нее и вздул огонь. Александр завернулся в шинель и улегся чуть не в самый огонь. Роман погрел озябшие руки, вылез из ямы и, видя, что до рассвета еще далеко, лег тоже. Смутная тяжелая дрема овладела им; сквозь нее он чувствовал, что становится все холоднее, — откуда-то из-под шинели проходила холодная струя воздуха; он подоткнул под себя полы и уже засыпал, как вдруг почувствовал, что кто-то тащит с него шинель и лезет к нему. Роман открыли глаза и увидел, что Кучум силится забиться под бок к нему. Бедный пес дрожал от холода.

До рассвета было уже недалеко. Туман затянул всю долину Вожи. Кругом сквозь белесоватую пелену его ничего не было видно, медлительные волны его сходились, свивались в клубы, и туман тогда разрывался, на миг выступали, как острова, темные кущи вершин сосен и затем снова затягивалось все молочно-серой завесой.

Роман встал и сошел к костру; Юра и Александр сидели там же. Спал только Степка — сладко и непробудно. Платья на всех отсырели. Лица у Юры и Саши были невыспавшиеся, измятые. Александр пожаловался на тяжесть в голове и шум в ушах. Юра стойчески молчал. Роман, испытывавший то же, что и Александр, усмехнулся и ответил, что знает средство против этого ощущения.

— Какое именно? — ехидно спросил недовольный всем миром Александр. — Ручей этот мерзкий, около которого спать нельзя, засыпать, что ли?

— Нет. Выкупаться в нем! — ответил Роман. — Как рукой снимет!

— Это теперь-то? Я с ума не сошел, чтобы раздеваться, когда две шубы сверх шинели надевать надобно!

Роман подбросил еще веток в огонь, сходил за водой, разбудил по пути Степку и стал заваривать чай.

Выждав, когда первые полосы зари заалели на востоке, все, за исключением Александра, гурьбой отправились купаться в еще дымившейся, тускло-темной Воже.

Юра шел впереди; весь дрожа, первый сбросил он с себя платье и белье и с визгом прыгнул в воду.

Степка проделал то же с радостным гогомом. Вода была так тепла, что не хотелось выходить из нее; все старались погрузиться в нее насколько возможно глубже. Наконец, купальщики вышли, быстро оделись и бегом помчались обратно.

Слова Романа оправдались, — головная боль, следствие отсутствия подушек, непривычки к свежему воздуху и раннему вставанию, — исчезла бесследно. Оживленные, собрались все у костра и принялись за чай. Юра наскоро выпил стакан, захватил кусок хлеба и с удочками в руках побежал опять к реке. Взошедшее солнце обогрело всех и немного рассеяло недовольное настроение духа Александра.

Продолжать разведки на том же месте не стоило, поэтому решили двинуться дальше и исследовать на пути все сколько-нибудь заслуживавшие внимания холмы и возвышенности.

Позвали Юру, успевшего выловить еще нескольких окуней; собрали кладь и, высмотрев с горы защищенный кустарниками путь, тронулись на новые поиски. Весь день прошел в передвижениях, ощупываньях почвы и раскопках; результат получился прежний — только усталость и волдыри на руках. Александр, как наиболее изнеженный, к полдню уже начал падать духом. Роман, насколько мог, поддерживал в брате угасавшую бодрость и с этой целью все земляные работы производил сам со Степкой.

Раза три попадались им навстречу крестьяне. Кладоискатели наши так стремительно бросались тогда врассыпную в кусты, что возбудили даже в одном из встречных подозрение; крестьянин этот долго всматривался в заросль, в

которой исчезли несколько не давших даже рассмотреть себя фигур; но так как он был один, то обыскать кусты не решился и пошел дальше, поминутно оглядываясь назад.

Тщательно обойдя стороной две-три деревни, истомленные переходами, работами и зноем, путешественники достигли к вечеру березовой поросли, тянувшейся на несколько верст, и решили заночевать в ней. Роман отыскал полянку, защищенную со всех сторон молодым березняком; неподалеку журчал в траве ручеек.

Маленький отряд устроил костер и расположился на отдых. При разборе провизии в хлебе неожиданно оказался недостаток; огромный хлеб незаметно вышел меньше, чем в два дня! Пополнить запас было необходимо. Последнее село — Луговое, которое миновали путешественники, лежало недалеко, верстах в двух-трех левее от них. Юра вызвался сбегать в него за хлебом, но общим советом решено было послать Степку, так как появление крестьянского парня меньше привлекло бы внимание, чем появление какого-нибудь из троих братьев.

Перед уходом Роман дал Степке подробные инструкции, что говорить, если к нему обратятся с расспросами, откуда и зачем пришел он. Для этого Роман отыскал по карте название одного из отдаленнейших селений, велел его затвердить Степке и отвечать, что он оттуда, а идет на богомолье в монастырь Иоанна Богослова. Степка забрал свою дубину, закинул за спину мешок и, сопровождаемый Юрой, непременно желавшим притаиться у околицы и ждать его возвращения, зашагал по траве. Юра, с луком и стрелами в руке, бежал впереди. Кусты закрыли их обоих.

Прошел в ожидании их чае, прошел другой, стало смеркаться, но ни Степка, ни Юра не показывались. Оставшиеся братья начали беспокоиться. Роман пошел посмотреть, не приближаются ли они. Но низкие, по колено, кусты, начинавшиеся шагах в двухстах от густой и высокой заросли, где находился бивак и тянувшиеся далеко по лугам, — были пустыни.

Наконец, Роман услышал голоса, затем различил и Юру со Степкой; Степка шел, нагруженный хлебом и яйцами; в

руках Юра держал какую-то птицу. Роман пошел навстречу им. Оживленно болтая, все добрались до костра, уселись, и Юра со Степкой начали свое повествование.

ГЛАВА V.

Юра, проводив Степку почти до околицы села, спрятался в густой конопле, темно-зеленой стеной тянувшейся по задворкам, и стал ожидать его возвращения. Улица открывалась перед ним, как на ладони; на ней царило оживление; у завалинок виднелись принарядившиеся старики и пожилые крестьяне; с дальнего конца неслись хоровые песни и развеселые звуки гармоник. Там пестрели толпы нарядных девок и баб. Село справляло храмовый праздник.

Юра видел, как Степка подошел к сидевшему у одной избы пожилому мужику и заговорил с ним; мужик встал, и оба они вошли в избу. Долго глядел потом Юра на дверь, за которой скрылся Степка, — тот все не показывался. Юрой стала овладевать тревога. Ему вдруг представилось, что Степка схвачен по какой-то причине и лежит связанный в этой избе. Он решился пробраться ближе и, если возможно, выручить попавшего в беду товарища. С этой целью Юра сосчитал избы и с великой осторожностью стал подкрадываться сзади через чашу душистой конопли к седьмой избе. Конопля редела; Юра, не упуская из вида соломенных крыш, крался все дальше и вышел на лужок у ручья; прежде, чем выйти на него, Юра огляделся, и сердце его забилося: у ручья лежали несколько диких уток. Положив головы под крылышки, пригретые солнышком, утки спали сладким сном.

Юра затаил дыхание, подкрался, насколько возможно, ближе к дичи и спустил стрелу. Одна из птиц забилась на месте, он схватил ее и, весь сияя, бросился дальше. Осторожно выставил он из-за плетня, отгораживавшего двор седьмой избы, голову.

Кроме нескольких кур и двух свиней, никого на нем не было.

Юра тихо перелез через плетень и, с сильно бьющимся сердцем, стал подходить к двери. В избе было тихо. Очевидно, вторую дверь из сеней оставили открытой, так как слышалось ровное жужжанье мух в избе. Там Степка или

нет? Весь дрожа, Юра нажал щеколду, — дверь подалась, и Юра очутился в темных сенях. Дверь в избу, действительно, была открыта. На цыпочках Юра подошел к правому косяку и стал вытягивать шею, чтобы заглянуть внутрь, как вдруг глаза его встретили так же осторожно и медленно выставлявшуюся из-за левого косяка двери другую, иссохшую голову.

Один миг, как околдованные, глядели они друг на друга; Юра видел сверкающие, злобные глаза, ввалившийся рот и растрепанные космы волос.

Юра взмахнул луком и уткой, крикнул не своим голосом и бросился вон. В ответ ему, как эхо, раздался другой крик. Точно крылья перенесли Юру через высокий плетень, бурей ворвался он в коноплю и, сокрушая ее на, пути, примчался на прежнее место, у околицы.

Только там Юра перевел дух и приложил руку к неистово бившемуся сердцу. Степка уже приближался; но, к ужасу Юры, он шел не один; его сопровождали трое парней, из которых двое шли сзади и, подозрительно поглядывая на него, шепотом переговаривались между собой. Степка, видимо, чувствовал себя не хорошо; он поминутно вертел головой и осматривался; круглое лицо его выражало смущение.

Дойдя до условленного места встречи с Юрой и зная, что тот ждет его в конопле, он остановился и, помня наказ Романа о сохранении тайны путешествия, окончательно растерялся, не зная, что предпринять ему. Парни остановились тоже.

На Юру, успевшего уже успокоиться и внимательно следившего за каждым шагом Степки и его спутников, нашло вдохновение.

Он вынул из кармана свисток и слегка свистнул; затем, стараясь не качать высокой конопле, отбежал в сторону и снова свистнул уже пронзительно. Степка понял сигнал. Неожиданно для конвоировавших его парней, он поднял свою огромную дубину, погрозил ею, одним прыжком перескочил канаву и исчез в конопле.

Напуганные свистками из разных мест, парни преследовать его не решились.

В селе со Степкой произошло следующее.

Наметив одиноко сидевшего мужика, Степка подошел к нему и попросил продать яиц и хлеба. Тот, как водится, стал выпрашивать, кто он, куда идет и откуда. Как на грех, название деревни, сказанное Романом, оказалось мудреным для тугого мозга Степки, и тот переврал его.

Мужик покосился, однако позвал в избу, велел старухе-матери, принятой после Юрой за ведьму, отпустить требуемое, а сам выбрался на улицу. Степке показалось это неладным; он заглянул в окно и увидел, что мужик позвал к себе парня и что-то стал говорить ему, указывая на свою избу; к ним подошли еще несколько человек. Степка понял, что проврался и что речь идет о нем. Это его смутило. Не успел он выйти со своими покупками, как его окружили крестьяне, и начался допрос. Степка спутался окончательно и, видя кругом себя угрожающие лица, замолчал и быстро пошел к околице.

Зайди он дальше, ближе к середине села, где былолюдно, — не миновать бы Степке рук сотских; но, на счастье его, околица была близко, и окружившие его старики да трое парней не решались на явное нападение на дюжего молодца с здоровенной дубиной в руках.

Степка слышал отрывки разговоров между ними: «Конокрад... Наверное, из них... вор... Опять баловать зачали... Ребят бы позвать, выследить...» Один из кучки людей, окружавших Степку, побежал к хороводам; трое парней молча стали сопровождать его.

Как ему удалось отделаться от этого конвоя, уже известно.

Слушая эту одиссею, Саша смеялся, как сумасшедший, представляя себе, какие толки и что за тревога идут, вероятно, теперь по селу из-за появления Степки и проделки Юры.

Роман, наоборот, задумался.

— Надо беречься теперь! — заметил он. — Шутить не приходится: раз говорили они о конокрадах и ворах, — стало быть, случилось что-нибудь в окрестности; нас искать будут!

— Пускай себе! — беззаботно возразил Александр, к которому вернулось хорошее расположение духа.— Не век мы здесь останемся, — завтра уже далеко будем.

— Куда бы мы ни ушли, ничего не значит! — сказал Роман. — В деревнях вести передаются с быстротой молнии. Поверь, что не дойдем мы до следующей деревни, как весь округ будет знать о появлении шайки разбойников.

Решено было принять всякие меры предосторожности, не показываться в деревни ни за какими покупками и ограничиться тем, что у них есть и что будет доставать Юра.

— Он молодец у нас... Дикую утку добыл даже! — поощрительным тоном заметил Александр, любивший полакомиться дичиной.

— А покажите-ка ее! — вдруг сказал Роман, взглядываясь в освещенную костром птицу и протягивая к ней руку.

Юра с гордостью подал ему свою добычу.

— Что, хороша? — спросил Александр.

— Очень, — ответил Роман, отдавая ее обратно Юре. — Только эта утка домашняя!

Вероятно, никогда еще в перелеске не раздавалось такого хохота, каким приветствовал Александр открытие брата.

Юра сидел, как пришибленный.

— Разбойники! Теперь мы настоящие разбойники! — задыхаясь, говорил Александр в промежутках смеха. — Вещественное доказательство есть. А старуха-то, старуха, что верещит теперь: «Утку, убил, меня самое убить и обокрасть хотел»... Это Юра-то... мы... ха-ха-ха! — и Александр закатился снова.

Юра, покрасневший как рак, предложил отнести эту утку обратно и положить ее у дверей избы; но все отвергли это предложение.

— Что сделано, того не воротишь! — сказал Роман. — Вперед только будь осторожнее!

Скоро аппетитный запах жареной утки распространился по поляне, и начался ужин. Только Юра отказался от своего куса жаркого и, отвернувшись, стойчески ел черный хлеб.

Была уже темная ночь, когда, кончив, ужин и чаепитие, все улеглись вокруг костра, ногами к нему. Не прошло и получаса, и все живое на озаренной отблесками костра полянке погрузилось в глубокий сон.

ГЛАВА VI.

Ворчание собаки пробудило Романа. Он поднял голову. Царила глухая ночь. Угасавший костер слабо освещал ближайшие кусты; дальше, шагах в пятнадцати, густился непроходимый мрак.

Было тихо.

Роман долго прислушивался, затем встал, подбросил сучьев в огонь, погладил замолчавшую, но не сводившую с чащи блестящих глаз собаку и лег снова.

— Что тебе почудилось, Кучум? — сказал он, завертываясь в шинель и придвигаясь ближе к костру. — Белку увидел, что ли?

Несколько раз затем Роман высовывал из-под шинели голову и настораживался, — тишина стояла мертвая. Изредка лишь слышался слабый хряск отпавшей сухой ветки и странный, едва внятный трепет росшей где-то среди берез осины.

Глубокий сон незаметно сковал опять Романа.

Вторично разбудил его Юра. Почувствовав на плече своей руку, Роман вскинулся, увидел Юру и хриплым от крепкого сна голосом быстро спросил его:

— Что, что такое?

— Кто-то есть вблизи! — прошептал Юра, нагнувшись к самому уху брата. — Кучум лаял. Мне показалось, что кто-то глядел из опушки и скрылся сейчас же!

Сколько ни вглядывались в темноту братья, различить что-нибудь были не в состоянии... Кучум, тем не менее, нет-нет и продолжал рычать. Юра осторожно разбудил Александра и рассказал ему причину тревоги. Роман пытался поднять и Степку, но это казалось невозможным; Степка не чувствовал ничего и лежал как мертвый. Александр сел и заспанными глазами стал глядеть на лес.

— Черт тут носит кого-то! — зевая, пробормотал он. — Да, может, и нет ни души... Заяц какой-нибудь напугал вас, трусов. Чем будить, осмотрели бы сперва лес.

— Ты храбр, — шепотом огрызнулся лежавший около него с луком наготове Юра. — Сунься сам, пойдди!

— А собака зачем? — И Александр свистнул, вскочил на ноги и, закричав во весь голос:

— Ату, ату! возьми его! — пробежал несколько шагов по поляне. Кучум молнией пролетел мимо него и с лаем исчез в кустах. Из них поднялась темная фигура и мгновенно скрылась в чаще.

— Возьми его, возьми! — продолжал кричать Александр, не сходя с поляны; Юра вторил ему неистовым голосом.

Ожесточенный лай собаки все удалялся и наконец стих.

— Действительно, какой-то дурень сидел в кустах, — сказал Александр, подходя к костру. Сон покинул его; он весело улыбался. — Жулик, вероятно, обокрасть нас хотел.

— Нет, это выслеживали нас! — возразил Роман. — Я убежден, что в этой местности не все спокойно, и Степку приняли за одного из членов шайки. Сейчас могут нагрянуть сюда, — надо разбудить Степку и уходить!

В это время кусты раздвинулись, и из них выскочил Кучум. Одним прыжком перемахнул он полянку, уселся около Юры близ костра и, жарко дыша, стал заматывать землю хвостом и глядеть на своего хозяина.

— Исполнил свою миссию! — сказал Александр, ласково трепля верного пса по спине. — Покусал тому разбойнику икры?

Кучум как бы в подтверждение его слов постучал хвостом и подал лапу.

Роман торопил уходом; быстро собрали все припасы в мешки и сообща принялись за Степку.

Дружные колотушки заставили наконец Степку очнуться и сесть. Минут через десять он прочухался окончательно; ему разъяснили, в чем дело, и отряд покинул поляну; костра не загасили, и долго еще оглядывавшиеся путешественники видели сквозь чащу деревьев мерцанье его. Ночью лесом идти было опасно: можно было наткнуться на сучья и выколоть глаза или переломать ноги; поэтому Роман обогнул лес и свернул на луга, к Воже. Освоившиеся уже со мраком глаза путешественников мало-помалу на-

чали различать смутные очертания ближайших предметов.

Лука и близость Вожи стали давать знать о себе: сделалось холоднее; на траве лежала роса; сапоги у всех, кроме Степки, промокли; Александр шел и ежился, плотно кутаясь в шинель и совсем не элегантно, по самые уши, надвинув на голову фуражку. Нет-нет и Роман останавливался и прислушивался, — не слышно ли погони; но везде было тихо.

Никто не обмолвился ни словом.

Громкий испуганный всхрап, неожиданно раздавшийся впереди, заставил отряд разом остановиться. Огромная тень выросла перед глазами путников, фыркнула и понеслась прочь.

— Лошадь! — вполголоса проговорил Роман.

— Ночное где-нибудь близко, — сказал Степка, осмотревшись по сторонам. — Глядите-ка! — вдруг добавил он другим тоном и указал рукой налево.

Все обернулись и увидели яркое зарево. Где-то неподалеку был сильный пожар. Багровый отблеск его зловеще озарял черное небо.

Несколько времени все молча смотрели на зарево, вестник страшного крестьянского бедствия, и с тяжелым чувством в душе тронулись дальше. Не сделали они и двухсот шагов, как очутились среди темных силуэтов пасшихся коней; влево от них, среди луга, ярко блеснул огонь огромного костра, далеко освещавшего все вокруг себя. У костра лежали несколько мальчиков.

Рычание и лай сторожевых псов приветствовали появление отряда. Отступить не имело смысла, и Роман, не отвечая на оклики, быстро спрыгнул со своими спутниками в обрыв к воде, и кусты скрыли их.

Рассвет застал отряд верстах в пяти от места ночлега в перелеске. Саша и Юра, невыспавшиеся, разбитые пережитыми волнениями и усталостью, едва тащились; Роман тоже чувствовал слабость и шум в ушах. Необходимо было отдохнуть и выспаться. Преследования пока опасаться было нечего; Роман нашел на лугу глубокую яму, натаскал туда

со Степкой из близ стоявшего стога ворох сена, и не прошло и пяти минут, как все уже спали тяжелым сном утомленных людей, зарывшись с головами в теплое, ароматное сено.

А с воды и с земли, из-под кустов и камней стал отделяться туман; небольшие клочки его, как табачный дым из густых усов, медленно пробирались сквозь ветви, охватывали их, соединялись друг с другом и скоро и река, и луг, и спящие закрылись сплошным белесоватым покровом.

ГЛАВА VII.

Часа в четыре на следующий день, после ряда новых бесплодных поисков древнего села, произошел общий совет.

Роман заявил, что находит невозможным с их силами и средствами отыскать село, находившееся «где-то» на Воже. Чтобы найти, нужно тщательно, шаг за шагом, исследовать щупами и раскопками все протяжении реки, для чего необходимо по крайней мере двести человек и десять лет работы.

Слова Романа произвели тяжелое впечатление на спутников его, и без того обескураженных неудачами. Усталый Александр насупился еще более; Юра притих и съежился.

— Итак, значит, — заговорил после некоторого молчания Александр, — по-твоему, надо бросить нашу затею и ехать домой?

По правде сказать, перспектива попасть наконец под кровлю, получить возможность спать в теплой постели, не рыться до мозолей на руках в земле, втайне улыбалась ему; только самолюбие, подсказывавшее мысль — что подумает Зина, увидав его, Александра, гордость и надежду ее, вернувшегося с пустыми руками, — заставляло его бороться с эгоизмом.

— Нет! — энергично возразил Роман, и серые глаза его загорелись. — Надо бросить только поиски этого села, и перейти к Оке и начать там искать клады. Места разбойничьих станов известны более определенно, и больше шансов найти в них что-либо.

Мнение Романа приняли единогласно; к полдню, исполненные новых надежд, путешественники наши шагали уже прочь от негостеприимно принимавшей их у себя Вожи.

Прячась от встречных во ржи, обошли они межами небольшую деревушку. К вечеру дорога сошла с бесконечных как море полей и углубилась в лес. Перед закатом солнца они сыскали себе безопасный, глухой овраг с говорливым ручьем, бежавшим по заросшему густым орешником дну

его, и благополучно переночевали в нем.

Полдень следующего дня застал их на высоком береговом обрыве над великой Окой. Могучая река широко и привольно синела у их ног; правый берег громадной живописной горой высился над водой, пламеневшей местами от раскаленных лучей солнца; вддали, по ту сторону Оки, расстилались необъятные луга, темнели леса, далеко-далеко кое-где на возвышенностях, куда не мог доставать многоверстный весенний разлив, глаз различал деревни и села. Надо всем опрокидывалось яркое, голубое небо.

Долго сидели наши усталые путники на крутом уступе над пропастью, по песчаному дну которой мощно и беззвучно неслась красавица Ока, и любовались величественным видом. Какой несчастной и жалкой, простым ручьем, показалась им Вожа по сравнению с могучей Окой! Александр не находил слов для выражение своего восхищения и только несколько раз повторял:

— Вожа-то, Вожа какая ничтожная перед ней!

Роман поднялся первый и стал искать спуск вниз. Таковой скоро нашелся: глубокая и узкая раселина-овраг, должно быть, размытый весенними водами, прорезывал глинистый берег неподалеку от выступа, на котором сидели пу-

тешественники; по обеим сторонам его высились вот-вот готовые рухнуть причудливые утесы из глины; вереск и сухая трава цеплялись за стены расселины; почва от стоявшей засухи растрескалась.

Осторожно, где хватаясь за выступы, где ползком, добрались путники до менее крутого места и бегом спустились отсюда на отмель. Прозрачная вода так и манила в себя.

Роман подошел к самому берегу и внимательно поглядел на воду.

— Течение быстрое, — сказал он, обращаясь ко всем, — не заходите, смотрите, далеко! Ты ведь, Саша, совсем, кажется, не умеешь плавать?

— Кто это тебе сказал? — задорно спросил задетый за живое словом «не умеешь» Саша. Этого слова он не переносил. — Когда в пеленках был, — разумеется, не умел плавать, а теперь великолепно умею!

— Твое дело! — заметил Роман. — Я потому сказал, что место опасное: мель, а затем, — и он указал рукой вправо, — и 20 шагов нет, обрыв начинается. Видишь, какая быстрина бьет под ним: там чуть не бездонная глубина, значит, — если снесет туда, не выберешься!

Все разделись. Роман прошел несколько шагов по воде и остановился. Течение было таково, что как ни старался он устоять, как ни врывался ногами в дно, его тащило вниз вместе с песком, на котором стоял он. Роман бросился грудью вперед и поплыл на середину; Юра, видимо, уstraшенный громадной массой воды, с неодолимой силой несшейся в необъятную даль мимо него, молча сидел раздетый на берегу и вошел последним; дойдя до полуаршинной глубины, он сейчас же присел на отмели и стал плескаться на ней. Роман, напрягая все силы, плыл против течения, тем не менее, это ему не удавалось; отплыв саженой на двадцать, он перевернулся на спину.

Александр шел еще вброд; вода достигала ему до груди. Роман увидел, что Александр окунулся, затем вынырнул, крикнул и начал барахтаться в воде. Роман плыл и плыл вперед, не обращая на брата особенного внимания: Александр часто любил изображать утопающего и пугать других.

Но через минуту крик повторился и такой сдавленный и отчаянный, что Роман быстро повернул к Александру и, что было силы, заработал руками и ногами. Александр захлебывался не на шутку. Обезумевший от сознания близкой гибели, полузадушенный водой, не видя ничего, он, вместо того, чтобы направиться к берегу, плыл, то есть, вернее, бил по воде руками и локтями, повернувшись лицом к середине Оки.

— Куда ты! — крикнул Роман, очутившись около него. — Назад! Он одной рукой схватил Александра за плечо и хотел повернуть его; тот погрузился на миг в воду; затем перед Романом вынырнуло искаженное ужасом лицо его. Александр сделал отчаянное усилие, вскинулся и Роман вдруг глубоко окунулся в свою очередь: руки брата судорожно ухватили его за шею. Роман оторвал их и выскочил на поверхность; перехватив воздуха, он вспомнил про близость обрыва и бросился снова к брату. Тот, не сознавая ничего, бился и не давал Роману возможности подхватить себя.

На секунду у Романа мелькнула мысль оглушить Александра ударом кулака по голове и тащить потом за волосы; но предположение, что Александр может разом пойти ко дну от удара, заставило действовать иначе. Что было силы, принялся он толкать перед собой брата, барахтавшегося, но уже начинавшего обессиливать и чаще и чаще погружаться с головой в воду. От сильных толчков Александр уходил под воду и проплывал вперед с пол-аршина; Роман схватывал его за волосы, вытаскивал голову на поверхность и с силой опять толкал его, отскакивая сам, чтобы не быть утопленным Александром. Ноги Романа вдруг ощутили песок. Он подхватил брата под мышки, выволок его на берег и в изнеможении повалился рядом с ним.

Степка и Юра, стоявшие все время как оцепенелые, прибежали к ним.

Александр лежал с помертвевшим лицом, губы его были стиснуты; когда его приподняли за плечи, он открыл мутные глаза, повел ими кругом, увидал над собой не бледно-зеленоватую воду, а родные лица, голубое небо, и грудь его судорожно задышала; он положил на себя дрожащей, не-

верной рукой широкое крестное знамение и вдруг зарыдал и обнял Романа.

Роман, бледный и сам, молча гладил его по мокрой голове.

— Бог вас спас! — проговорил Степка. — Должен ты, Ликсандра, свечку Миколу Угоднику поставить. Ведь вот он — омут-то. Еще маленько — капут бы обоим вам был! И я-то, как на грех, плавать не умею: гляжу, а помочь нечем!

Роман кинул взгляд на Оку и увидал, что обрыв, который стремительно подмывала вода, грозно высился не больше, как в двух-трех саженьях от них. Промедли они еще минуту в воде и Ока несла бы их теперь, среди тишины, успокоенных навек, где-нибудь далеко-далеко на могучей груди своей.

Вследствие слабости, охватившей Сашу, решили обедать на той же отмели. Степка и Юра мигом набрали хвороста.

Кружка горячего чая и обед значительно подкрепили силы Александра.

ГЛАВА VIII.

Часам к четырем тронулись вниз по течению. Чтобы миновать обрыв, необходимо было выбраться снова наверх.

— Эх, лодку бы нам! — заметил Степка, кряхтя карабкавшийся вслед за другими на крутизну берега. — Плыли бы себе да плыли теперь, и лазить по эфтим горам, — чтоб их водой размыло! — не нужно б было.

— Да ведь мы же клад ищем, — нам по берегу идти надо, — возразил Юра.

— Чаво ищем? Ничаво мы не найдем! — ворчливо ответил не любивший гор Степка. — Так только, здря сапоги стаптываем!

На вершине горы расположение духа его прояснилось, и вера в отыскание клада, поколебленная было трудностями подъема, снова восстановилась при помощи его приятеля — Юры.

Наверху Александр остановился, оглянулся в последний раз на место, чуть не ставшее роковым для него, и молча крепко пожал руку Романа.

— Буду я тебя помнить, Ока! — проговорил Александр. — Никогда не забуду!

Передохнули немного и тронулись дальше.

Дорога все время вилась вблизи обрыва; кругом рос редкий сосновый бор; легкий и ровный шум тянул по вершинам его; напоенный запахом смолы воздух был неподвижен и душен; на земле, покрытой толстым темно-бурым слоем опавшей хвои, не виднелось ни травки; нога скользила, как по паркету.

Роман часто подходил к обрыву, любовался чудным видом, открывавшимся на десятки верст кругом, и затем догонял своих.

Дорога заныряла по заросшим кустами оврагам: то прихотливо бежала по дну их, то переваливала за гребень и выпрямлялась стрелой. Все внимательно оглядывались по сторонам, но встречных не попадалось; дорога была тиха и

пустынна.

Места расстилались кругом исторические. Видали они не раз и татарские отряды в островерхих шапках; много крови и вражей и русской упитало их.

Позднее, не раз в былые года, шайки разбойников, залегавшие в вековых лесах, нападали в той стороне на села, на обозы, на путников и до поры до времени зарывали по оврагам богатую добычу. Мало кому из лесных рыцарей удавалось потом воспользоваться зарытым добром: одни гибли в боях с царскими воеводами, других ловили и вешали, иные оставались на дорогах от ударов защищавшихся путешественников... Много сокровищ ревниво бережет земля с той поры!

Начинало вечереть. Вершины леса окрашивались румянцем; небо посинело еще более; огромные длинные тени от сосен стали сливаться в одну. Время было искать место для ночлега.

Роман свернул вправо, и скоро отряд достиг неглубокого оврага и спустился в него. По мере пути вперед дно оврага понижалось больше и больше; бока его сближались, становились обрывистее, выше, и наконец овраг превратился в мрачное, узкое ущелье с отвесными, десятисаженными стенами. В бледном и ясном небе носились стрижи; одиноко и высоко плывшее белое облачко алело в последних лучах ушедшего за горизонт солнца; на дне оврага было уже темно. Высившийся кругом бор хранил безмолвие. Что-то торжественное было в тишине этой.

Миновав ущелье, путники очутились на довольно широкой, почти круглой луговине, очевидно, бывшей когда-то дном озера или болота; по ней протекал, в зеленой рамке из высокой осоки, ручей.

В разные стороны отходили пять оврагов. Середину луговины занимал поросший кустами бугор; на нем росли несколько вековых сосен; против них на мысу, над устьем одного из оврагов, подымалась темная, конусообразная вершина.

Роман встрепенулся и указал на нее рукой.

— Курган! — взволнованно проговорил он.

Через миг все, запыхавшись, стояли у подножия его. Юра, Степка и Александр схватили было лопаты, но Роман удержал их и сам сделал легкий отрез на одном из боков вершины.

Все жадно следили за его действиями.

— Насыпной! — сказал Роман, исследовав отрез. — В нем что-нибудь зарыто!

Чтобы не срезать вершину холма, имевшего по крайней мере сажени три вышины, Роман провел от вершины до подошвы на расстоянии двух аршин друг от друга две параллельные линии, и все трое дружно принялись вкапываться в холм. Юра отгребал землю.

Только глубокий мрак заставил их оставить лопаты и вспомнить об ужине. Под соснами разложили костер, и начались веселые разговоры. Утреннее приключение было забыто; давно уже путешественники не испытывали такого радостного веселья, как в тот вечер.

Сравнительно теплая ночь прошла спокойно.

ГЛАВА IX.

Еще только серая муть сменила мрак, когда Юра первый поднял голову и принялся будить братьев.

Небо куталось беспросветными тучами, начинал сеяться мелкий дождь, сырость проникала, казалось, в самые кости.

С трудом развели угасший костер, обогрелись, напились чаю и принялись за работу.

Роман обошел кругом холм и тщательно осмотрел его. С северной стороны виднелось у подошвы углубление, словно бы след от когда-то окружавшего рва. Последнее сомнение в искусственности холма исчезло. Оставалось только узнать, какой это холм: сторожевой или могильный; но решить это можно было только раскопками. Дно траншеи Роман велел не углублять ниже подошвы холма; края боков срезали так, чтобы земля не осыпалась и не мешала работе.

Роман сбросил шинель и, не обращая внимания на моросивший дождь, копал впереди; чем ближе подходил он к середине кургана, тем все осторожнее и осторожнее вонзал железо лопаты в землю.

Вдруг он остановился и нагнулся. Все бросились к нему. На высоте полуаршина от уровня основания ясно обрисовался слой мелкого угля вершков в семь толщиной. Роман копнул его лопатой, и из угля вывалился кусок какого-то перегара.

— Славянская могила X века! — сказал Роман. — Придется углубляться в землю!

— Из чего ты заключил, что эта могила X века? — с интересом спросил Александр.

— По этому слою угля, — ответил Роман. — В разные времена покойников погребали разными способами; курганы дохристианской эпохи открыли нам три способа: первобытнейшие заключают в себе громадные кострища от костров, разводившихся всегда на насыпях; на эти костры

клялся покойник с оружием и драгоценностями, затем приводился любимый конь его, собаки, рабы и одна из жен. Все они убивались и их раскладывали на костре рядом с господином.

— Для чего? — переспросил Юра, жадно слушавший любителя археологии.

— По верованию славян, необходимо было, чтобы воин, переселившийся в иной мир, уводил и уносил с собой все, что он любил на земле; конь, оружие, съестные припасы — все это, думали, нужно ему и в загробной жизни. Затем костер зажигали; когда он догорал, остатки сгребались к середине и засыпались землей; все это обкладывалось сверху кирпичами, снова засыпалось — и курган был готов. Вокруг него совершались тризны. Так делали приблизительно до IX века. Позднее, после сожжения останки стали собирать в сосуды и зарывать их в курганах; третий и самый позднейший дохристианский способ погребения походил на нынешний: то есть вырывали неглубокую яму, обкладывали ее досками, помещали туда покойника, сверху накидывали приблизительно аршинную насыпь, на ней разводили костер из бревен, приносили жертвы, совершали тризну, затем разбивали на кострищах сосуды, служившие при поминках, и насыпали сверху холм. Наш курган, как видите, принадлежит к последнему разряду.

В подтверждение своих слов Роман начал раскапывать слой угля; действительно, в нем отыскались темные черепки каких-то глиняных сосудов.

— Но почему ты думаешь, что перед нами могила третичного, а не первого периода? — спросил Александр. — Ты же говорил, что в первичные времена сжигание тел тоже производилось на насыпи и затем засыпалось землей?

— Верно. Но в таком случае и слой угля должен быть намного толще, чем этот.

Дождь все усиливался.

Ни на ком из кладоискателей, работавших без шинелей, не было сухой нитки. Тем не менее, отдохнув во время рассказа Романа, все снова дружно принялись за работу. Роман врылся в середину кургана. Чтобы не обвалился об-

разовавший ее грот, Степка нарубил молодых сосенок, подвел подпорки и соединил их наверху перекладинами. Работать стало безопасно. Юра тщательно перебирал выкинутый из кургана уголь, ища, нет ли в нем каких-либо предметов; но кроме полуобгорелых костей животных и черепков, ничего не было.

Роман, согнувшись, с лицом, налившимся кровью, работал в пещере, расширяя и углубляя ее.

Наконец он издал восклицание, отбросил лопату, вынул нож, опустился на колени и осторожно стал рыть им. Через минуту он позвал Сашу. Тот вполз к нему и увидел, что из земли торчит ребро сгнившей, почерневшей доски. Затем на расстоянии полутора аршина обнажилось и параллельное ему второе ребро.

— Тщательно осматривайте теперь землю! — крикнул Роман, — каждую горсть перебирайте: вещи в ней оказаться могут!

Не только нож, но и руки, белые руки Александра погрузились в землю и принялись выгребать ее из все выяснявшейся и выяснявшейся домовины. Пальцы Романа нащупали человеческую кость, за ней другую; Александр наткнулся на череп, затем рядом с ним на другой. Земля горсть за горстью вылетала из кургана, и скоро в очистившейся длинной домовине обнажились скелеты. Их было два.

Юра и Степка, услышав о находке скелетов, втиснулись в пещеру и стали глядеть на безмолвные останки древних людей. Даже Кучум прополз под ногами к ним и обнюхивал землю. Роман забыл о могших оказаться при скелетах драгоценных вещах и разглядывал один из черепов, бережно, как стеклянный, держа его на ладони. Темный, местами тронутый тлением череп загадочно глядел на всех черными, забитыми землей впадинами глаз. Степка сотворил крестное знамение.

— Я так и думал: череп длинноголовый! — заметил Роман, осторожно откладывая череп в сторону. — Ну, что-то тут еще есть?

Все четверо, мешая друг другу, принялись за осмотр. В ногах скелетов наткнулись на хорошо сохранившийся гли-

няный горшок. Кроме земли, в нем ничего не было.

Роман сказал, что в таких горшках ставилась вода, в которой, по верованиям славян, души умерших омывались около тела перед окончательным отлетом. На правой ручной кости меньшего скелета оказался витой из позеленевшей меди браслет с несомкнутыми концами; по бокам черепа лежали две тонких серебряных серьги, похожих на большие кольца, серебряные подвески к ним, бусы из стекла и три бронзовых бубенчика. Около большого скелета нашли клинообразный кусок перержавевшего железа — нож, по определению Романа, бронзовые пуговицы, серебряное кольцо-спираль и медный круг, одевавшийся на голову.

Каждая вещица тщательно очищалась, по несколько раз переходила из одних, дрожавших от волнения, рук в другие, жадно-внимательно разглядывалась и затем бережно складывалась в древний горшок.

Скоро, кроме скелетов, ничего не осталось в домовине. Произведя в последний раз тщательнейший обыск, Роман вынул оба черепа и четыре ручные кости и уложил их в мешок свой. Остальные кости закидали землей и, только окончив все это, вспомнили, что ничего еще не ели с утра и что мокрое белье и платье на них липнет к телу.

Дождь шел все сильнее. Серые, разорванные тучи низко неслись над лесом; за ними виднелось такое же серое небо; скорого конца дождю не предвиделось. Костер давно угас и обогреться было негде. Возбуждение, вызванное работой и находкой, стало проходить; Александра и Юру слегка знобило.

Роман и Степка взялись снова за лопаты и расширили внутренность пещеры в кургане; Саша и Юра перенесли туда все вещи, остававшиеся под соснами, набрали смоляных суков, и огромный костер скоро запылал у входа в их импровизированное жилище. Степка, в видах предохранения костра от дождя, приладил маленький навес над ним, и все работы были окончены.

Всем сделалось тепло; мокрая одежда мало-помалу сохла; принялись за еду, посыпались шутки, смех; все были счастливы и довольны.

Стоимость находки Роман оценил в несколько сот рублей, — для начала это было недурно. Один Степка не доверял такому щедрому исчислению стоимости «дряни», как выразился он, еще раз переглядывая при свете костра найденные предметы.

— Такие-то штуки я за грош ныне куплю! — заявил он всем. — Серебро ноне ни почем стало! Эвось каки сережки за гривенник, коль захочу, куплю, — лучше эвтих! А зачем ты, Роман Степанович, обратился Степка к Роману, — головы-то в мешок к себе сунул?

— С собой возьму их! — ответил Роман.

Степка ахнул.

— Таку гадину-то? Да на што они тебе?

Юра и Александр захохотали и принялись подзадоривать Степку.

Долго тянулись разговоры и разъяснения насчет черепов; Степка никак не мог понять желание Романа иметь их у себя.

Благодаря дождю, сумерки наступили рано. Делать было нечего; все улеглись, и разговоры продолжались.

— В лесу-то бы теперь ночевать или на Воже! Брр! — проговорил Александр, прислушиваясь к шуму дождя и порывам ветра. — Право, здесь уютно! — добавил он, помолчав немного. — А тепло-то как, хорошо! — И он с наслаждением закутался в шинель до подбородка и стал глядеть на освещенную костром, висевшую над их головами землю и поддерживавшие ее перекладины.

— А ведь мы в могиле, Степка! — начал опять он. — Когда-то кругом этого места стояли славяне, пели, совершали тризну... И где теперь они все?..

Степке от разглагольствования Александра сделалось жутко. Юра, испытывал то же чувство.

— Что ты, барчук, заговорил о них на ночь-то глядя? — молвил Степка. — И так в нечистом месте сидим, головы их скрали, а ты их поминаешь!

— Как в нечистом?

— Как же... сам же сказывал, язычники они были; без отпевания, стало быть, похоронили их... А мы в самый гроб

к ним, почесть, ночевать влезли! Кабы не чужая сторона, да не место глухое — и на дождь бы не поглядел, убег бы куда глаза глядят!

— Ишь, как на дворе воет!... Душеньки это их плачут! — добавил Степка, прислушавшись к звукам извне.

Действительно, словно стон или вой доносился порой из леса; лес глухо шумел; казалось, море бьет где-то близко в берега свои. Суеверное чувство разыгрывалось в Степке все больше и больше; лицо его стало делаться растерянным. Жутко было и Александру, хотя он и старался не показать этого.

Роман перевел разговор на другую тему; к ним присоединился и Александр, и в древней могиле пошли спокойные разговоры; затем все уснули.

Только Юра спал тревожным сном. Ему грезились привидения, скелеты древних славян, окружившие их убежище и тянувшие к ним руки; он видел себя мчащимся в ужасе, с волосами дыбом, по лесу прочь от них; ветви бьют его по лицу, и вдруг опять тот же курган вырос пред ним! Вне себя, с криком метнулся он в сторону; курган рухнул и тяжелая глыба придавила его.

Чья-то рука погладила Юру по голове; он с трудом открыл мутные глаза и увидал, что рука эта принадлежала Роману. Еще было темно; свет костра озарял внутренность могильника; земля висела над ними по-прежнему, — ничто не обрушивалось.

— Что ты, Юра? Нездоровится тебе, — стонешь ты все? мягко спросил Роман.

— Ничего, — проговорил Юра слабым голосом. — Сон я видел... — И он повернулся на правый бок и закрыл опять глаза.

Роман покачал головой, пощупал горячий лоб брата, подбросил веток в огонь и лег тоже. Несколько раз затем в течение ночи подымался он и заботливо укутывал разметывавшегося и пылавшего в жару Юру.

Александр и Степка спали сном праведников.

Только что занялся свет, Роман накинул на плечи шинель и, несмотря на ливший по-прежнему дождь, направил-

ся вверх по ручью.

Часа через полтора он вернулся. В руках у него были корни шиповника. Роман скинул промокшую, отяжелевшую шинель, снял разбухшие сапоги, поставил на огонь котелок с водой, накрошил в нее корешки и закрыл крышкой.

Спутники его еще спали. Юра метался и стонал во сне. Наконец пароксизм лихорадки пробудил его. Роман, терпеливо ждавший этого пробуждения, напоил брата горячим отваром, укутал и велел лежать и не шевелиться. Но Юра не встал бы и без того, — таким слабым чувствовал он себя. Отвар согрел его, и зубы его перестали стучать.

Мало-помалу проснулись и остальные. Дурная погода вызвала такое же и расположение духа у всех; неожиданная болезнь Юры ухудшила его еще более.

— Что же мы будем делать теперь? — озабоченно спросил Александр, отведя Романа в сторону так, чтобы Юра не мог их слышать. — Идти нельзя с ним в такую погоду, а здесь он хуже еще разболеется. И провизия у нас на исходе!

Решили, что Александр останется с больным, а Роман и Степка пойдут на разведки.

Роман натянул с трудом на себя мокрые сапоги, надел топырившуюся, как деревянная, шинель и зашагал в лес рядом со Степкой.

ГЛАВА X.

Перенесемся теперь в одну из помещичьих усадеб, затерявшихся в лесах на правом берегу Оки.

В одноэтажном, низком, утратившем от времени цвет свой доме, у одного из окон, выходивших в густой и запущенный сад, сидела за рабочим столиком в глубоком кресле худенькая, небольшого роста старушка. На полу и на коленях ее лежали груды полотна; старушка заботливо кроила и сметывала что-то на живую нитку; то была владелица имения Марья Степановна Затуровская. Во впалых бесцветно-серых глазах ее светился ум и приветливость. Марья Степановна слыла хлебосолою.

Против нее помещалась на стуле сестра ее, Софья Степановна, дама лет сорока пяти, плотного телосложения, с крупными, внушительными чертами лица, украшенного природой выпуклыми черными глазами, черными усиками и кудрявой бородавкой у носа.

На самый кончик последнего опирались обмотанные на перешейке красной шерстинкой оловянные очки. Софья Степановна вязала из белой шерсти солидной величины чулок, очевидно, для своей особы; нет-нет и она взглядывала в окно на мокрые, понуро стоявшие деревья сада, на непрерывавшийся дождь, покачивала головой и наконец ба-систо проговорила:

— А ведь надолго такая погода зашла, пожалуй!... Сено-то у нас не убрано!

Марья Степановна посмотрела в окно и снова суетливо принялась за шитье свое.

— Уберем еще!... — вскользь ответила она. — Даст Бог, скоро разгуляется погода!

Воцарилось молчание. Слышалось лишь редкое жужжание присмиривших от непогоды мух да тиканье старых часов на стене.

Сестры, совладелицы имения, сидели в гостиной, небольшой квадратной комнатке, оклеенной обоями темно-зеле-

ного цвета; в глубине стоял старомодный, александровских времен диван с двумя креслами по бокам и покрытым бархатной скатертью столом против него; на последнем, как водится, лежал истрепанный альбом, переполненный портретами родных и знакомых хозяек; у стен стояли старинные с жесткими сиденьями стулья.

На одном из них спал кот.

— Слышала, Маша? — проговорила опять Софья Степановна. — Пошаливать в нашем уезде начали!

— Полно!... Не пустое ли болтают?

— Нет, это не пустая болтовня! — внушительно ответила Софья Степановна, — у нее, впрочем, не только манера говорить, но и каждый взгляд, каждый жест были внушительны. — В Чаликовом селе у мужиков двух лошадей увели, в Ивановском трех; а на тракте проезжего остановили даже! Кабы не начал стрелять да не добрые кони — и живым бы не ушел, может быть! — И Софья Степановна стала передавать сестре подробности последнего происшествия. Марья Степановна молча покачивала головой.

— На днях их опять в березняке под Луговым видели: развели себе костер и уснули. Пока собрали мужиков, да нагрянули туда, их и след простыл. До чего осмелели: двое среди бела дня в самое Луговое явились, будто за хлебом, чтоб высмотреть все. Бросились их было ловить, они за околицу, и вдруг со всех сторон из конопли свистки, свистки!... Мужики и сробели!

— И не поймали никого?

— Никого. Уряднику дали знать, да что толку! Обыскал он наутро с понятиями березняк, нашли костер да перья от украденной в Луговом утки, да яичную скорлупу, — вот и все. Сам становой, говорят, взялся за поиски!

— Тебе чего? — Последние слова относились к появившейся в дверях босой, смышленной на вид девке в красном сарафане.

— Двое какие-то пришли во двор, — вас, Марья Степановна, спрашивают, — бойко отрапортовала девка. Марья Степановна всполохнулась.

— Кто такие? Как — пришли? Приехали, то есть?

— Где приехать! Пришли. И замаранные такие: мокрые, на сапогах-то по пуду глины на каждом! А кто, не знаю, — не сказались!

— Не сказались? Да не из тех ли это, что в Луговом видели! — встревоженно проговорила Софья Степановна, подымаясь с места. — Где они? по двору ходят? высматривают что-нибудь?

— Нет, на крыльце стоят.

— Схватить их сейчас! Зови мужиков!

Марья Степановна испуганно замахала руками.

— Что ты, что ты, Сонюшка, Господь с тобой!... Ведь это, может, и не они совсем!... Да кто они, господа или мужики?

Горничная затруднилась ответом.

— Позвать надо их, узнать, что им нужно!

— Позвать? — густым голосом перебила сестру Софья Степановна. — А если они с ножами пришли да прирежут нас с тобой? Малашка, беги, позови сюда человек трех, поздоровее кого-нибудь; вели в девичьей стоять и ждать. Вот тогда и впустим, поглядим, кто такие!

Малашка вылетела как пуля. Взволнованные сестры остались одни и, перекидываясь отрывистыми фразами, прислушивались, не ломаются ли в дверь неизвестные посетители.

Наконец явилась Малашка и доложила, что все исполнено. Ей велели ввести прибывших гостей. Малашка медленно пошла в зал и оттуда ко входным дверям; лицо ее было серо от страха.

Марья Степановна стала у порога в зал, немного позади нее поместилась Софья Степановна, придерживая половинки дверей и готовясь вмиг захлопнуть и навалиться на них веем телом в случае опасности. В передней слышались шаги, и в зале появился хорошо сложенный молодой человек в серой суконной, подпоясанной ремнем блузе и таких же шароварах; в руках он держал парусинную фуражку. И блуза и шаровары — все на нем отсырело и точно было натерто землей и глиной; сапоги до такой степени облипли грязью, что виднелись только верхние обре-

зы порыжелых голенищ; в глине же были измазаны и шаровары; с измятой бесформенной фуражки стекала вода.

То был Роман. Войдя, он поклонился сестрам и, переvedя серые, смелые глаза с одной на другую, отрывисто спросил:

— Имею честь видеть помещицу Затуровскую?

— Это мы... — проговорила Марья Степановна, с недоумением оглядывая гостя. — Чему обязаны?...

— Велите горничной уйти! — сказал молодой человек.

— Это еще почему? — грозно спросила Софья Степановна. — Малашка, стой, стой тут!

— Я пришел по вашему же делу, — возразил Роман, — и сообщить его могу только вам лично; а если вам не угодно узнать его, я уйду!

— Сонечка, погоди! — торопливо проговорила Марья Степановна, видя, что сестра хочет ответить что-то. — Ничего, я ушлю ее... Малаша, уйди!...

Горничная, острые глаза которой разгорелись уже любопытством, неохотно повиновалась.

— Я Роман Луневский, — сказал, проводив ее взглядом, Роман. — Пришел предупредить, что нынче ночью хотят обокрасть вас!

Софья Степановна выпустила дверь и всплеснула руками.

— Батюшки мои! — густым басом проговорила она. — Кто? как так?... Машенька, да не врет ли он? — тихо, но совершенно явственно проговорила она сестре. Роман слышал, но не шелохнулся.

— Нет! — убежденно прошептала Марья Степановна. — У него лицо честное!

— Нынче у всех жуликов лица честные! — еще громче прогудела недовольным тоном Софья Степановна.

После некоторого колебания Романа пригласили сесть, и Софья Степановна засыпала его вопросами, откуда он, как попал в их края и как узнал сообщенную им новость.

Роман прямодушно рассказал, как и с какой целью забрел он с братьями на Оку; сообщил и о раскопке кургана.

О готовящемся же воровском нападении на усадьбу узнал он таким путем.

После довольно долгого и бесплодного блуждания по лесу, — причем они, чтобы сыскать назад дорогу, метили ее заламыванием веток, — они вышли на размякший от дождя проселок; они сыскали сухую тропку, вившуюся под густыми темными шатрами вековых елей, защищавших от дождя, и направились по ней; у одного из поворотов им вдруг почудились сдержанные голоса.

Говорившие стояли на дороге и, отделенные от Романа и Степки зарослями елок, не видали и не слышали их приближение. Слова, долетевшие до слуха Романа, поразили его; он остановился, сделал знак Степке и, затаив дыхание, стал с ним слушать дальше.

— Так в какое же время ждать вас? — говорил низкий голос.

— Да к полуночи управимся... Даже часам к одиннадцати: спать там ложатся рано, — в десять часов темно везде!

— А собак нет?

— Есть, да они знают меня, — прикормлены! Пойду первый и отведу. У конюшни под бричкой ждать буду... Струмент не забудьте взять: на ночь конюшню замком запирают, — кучер не спит в ней.

— Это хорошо, что не спит: работы вам меньше!

Раздался сдержанный смех.

— Так до вечера?

— Да, к одиннадцати часам!

Сказавший последнюю фразу зачмокал и задергал вожжами. Раздалось хлюпанье копыт по грязи.

— Тпру, тпру! — заговорил вдруг тот же голос, и телега опять остановилась. — Слышь, а эти твои Затуровские помещицы одни живут?

— Одни. Софья вдова, Марья девушка!

— А может, и к ним бы вы заглянули в горницы? Одно уж к одному, — все купил бы у вас?

— Э! Овчинка выделки не будет стоять, пожалуй... Вот кони у них ладные!

— Что ж, подкуем хоть коней! Так в одиннадцать часов ждате вас буду. А насчет дома — подумайте!

Телега покатила дальше; беседовавший с сидевшим в ней свернул на тропинку, отходившую вглубь леса от той стороны дороги. Роман и Степка успели рассмотреть только спину его. Она принадлежала высокому, широкоплечему мужику в рваной поддевке и в картузе блином.

Роман и Степка быстро добрались до деревни, расспросили, где поместье Затуровских, и часам к трем дня стояли уже на крыльце у них.

Перепуганная Марья Степановна не знала, как и благодарить неожиданного благодетеля. Последний след недоверия исчез и из мужественной Софьи Степановны. Они не знали, где усадить его и чем потчевать. Но Роман прежде всего попросил у них хины для брата и затем, сконфузясь и покраснев, сказал, что им нужна провизия и потому он их просит продать ему картофеля, яиц и хлеба. Ему не дали и докончить: тотчас же накормили и обогрели в людской Степку, навьючили его зонтиком, двумя пледями, бутылкой вина и всевозможной снедью для оставшихся в кургане и послали его за ними.

— Да хорошо ли ты помнишь дорогу? — несколько раз переспрашивал Роман. — Не сбейся, смотри!

И он начинал напоминать Степке разные оставленные ими приметы.

— Чаво не найти! Найду! — уверенно возражал Степка. — К вечеру обернусь, — все здесь будем!

Отправив Степку, Роман попросил хозяек до вечера не предупреждать никого из людей о готовящемся покушении. Марья Степановна держала себя по отношению к Роману, как родная; она не хлопотала, не суетилась; все делалось у нее как-то мягко и ходко, само собой; отыскала в шкафу какое-то старое платье еще покойного отца своего и, несмотря на отговорки смущавшегося Романа, заставила его переодеться; сапоги и верхнее платье путешественника пошли в чистку и сушку.

Остаток дня миновал незаметно.

После обеда подали сейчас же чай, появились всевозможные варенья, печенья. Марья Степановна угощала Романа без перерыва; не привыкший к такому ухаживанию за собой, Роман краснел, пробовал отказываться, но напрасно. Софья Степановна занималась разговорами. Простота, с которой рассказал все Роман, тронула и еще более расположила к нему обеих сестер. Марья Степановна отозвала Софью Степановну в сторону и шепотом стала что-то горячо говорить ей. Софья Степановна отвечала подавленно могучими, односложными звуками, в которых гудело, однако, одобрение.

На дворе темнело. Роман часто и озабоченно поглядывал на часы. Пробыло девять, — ни Степки, ни братьев не было. Романом овладело беспокойство. Что случилось с братьями? Какая причина такого опоздания их? Не напали ли на них, не заблудился ли Степка? Мысли эти быстро чередовались в мозгу Романа. Тем временем Софья Степановна созвала всех рабочих, сообщила, что готовится нападение, и отдала приказ разместиться вокруг конюшни. Роман хотел было взять на себя устройство засады, но Софья Степановна так вошла в роль командирши, что он ограничился только предложением себя в качестве волонтера. Конюшня занимала правый угол двора; плетень у нее образовывал тупой угол, выходивший в поле; в углу стояла старая брочка; под нее-то и хотел пробраться один из воров. Между конюшней и домом находился навес для соломы; около него имелся проход в плетне, притворенный привязанной к нему с одной стороны решетчатой дверкой. Неподалеку от конюшни, среди двора, стояли телеги. Рабочие тихо разместились частью под навесом, частью под телегами; двое присели на всякий случай под окнами дома. Двор казался вымершим.

Темень стояла непроглядная. Роман, полагавший, что часть воров отправится в дом и потому притаившийся у угла его, против выхода со двора, не различал ничего даже в двух шагах от себя. Дождь перестал; слабый ветер шумел в вершинах деревьев.

Роман напряженно вслушивался и вглядывался во мрак; мысли его нет-нет и уносились к братьям, неизвестно почему не являвшимся.

По крайней мере с час прошло в ожидании. Роману стало казаться, что воры раздумали или отложили свою затею; как вдруг до слуха его долетел шепот. Роман вытянул шею и прислушался: кроме шума ветра, ничего слышно не было. Минуты две-три спустя тихо, но явственно точно два железных кольца звякнули друг о друга. Звук долетел со стороны конюшни. Затем он повторился: очевидно, пробовали замок.

Не успел Роман встать на ноги с целью прокрасться ближе, как из-под навеса раздался громкий угрожающий крик. Один из рабочих не выдержал и, не дождавшись сигнала, бросился на воров. Крик подхватили другие голоса; в один миг все перемешались; раздался топот бегущих ног; посыпались ожесточенные глухие удары. Взбешенный несвоевременной атакой, Роман бросился к конюшне. В темноте шла свалка. На Романа наскочила убежавшая фигура; от толчка он отлетел в сторону, но успел, что было силы, хватить ее палкой и бросился за ней; но фигура черной тенью метнулась через плетень и потонула во мраке. На дворе замелькали огни. К месту свалки бежали люди и, когда фонари осветили побоище, оказалось, что свои усердно тузили своих же. Из воров никто пойман не был. Гвалт и ругань поднялись невообразимые. Многие охали и почесывали бока. Тем не менее, лежавшая на земле связка отмычек, растоптанный картуз и клоч рыжей бороды, оставшийся в виде трофея в кулаке одного из прибежавших первым, свидетельствовали, что покушение на кражу было. Четверо рабочих, наскочившие на воров из-под навеса, говорили, что схватили троих и начали молотить их; но сзади навалились другие, оказавшиеся своими же рабочими, бывшими под телегами, и принялись крушить в темноте кого попало. Четвертый вор стоял на стороже, и его-то и хватил Роман.

ГЛАВА XI.

Возбуждение, испытанное Романом от схватки с ворами, улеглось и опять уступило место тревоге за братьев и Степку. Тем не менее, предпринять что-либо ночью для розысков их в незнакомой овражистой местности было немислимо; сознавая это, Роман остался ночевать у радушных помещиц.

Долго, за полночь просидели они за вкусным и обильным ужином. Роман, отвыкший уже от какого то бы ни было комфорта, испытывал странное чувство, видя себя в комнате за накрытым столом.

Марья Степановна, старожилка края, рассказывала всевозможные легенды и соображения о местонахождениях курганов и кладов; Роман тщательно записывал названия урочищ. Софья Степановна, довольная тем, что разбойникам все-таки намяли бока, предложила Роману пройти еще верст десять вниз по Оке, взять затем от их имени у рыбака Фрола одну из лодок, спуститься на ней за Рязань, в другое поместье Софьи Степановны, и исследовать там принадлежащее ей древнее, по преданию еще языческое, чуть не болгарское городище.

— Почему же вы сами не велите раскопать его? — спросил Роман, поблагодарив за любезное предложение.

— Э, батюшка, да ведь это не курган ваш, а целый город там был! — возразила Софья Степановна. — Да и на что мне? Нас с сестрой двое всего, на наш век и своего добра хватит. Да и людей не найдешь копать там!

— Почему?

— А потому, что нечистым почитаюсь крестьяне то место, видения, сказывают, там бывают!

— Какие? Что там видели? — спросил заинтересованный Роман.

— Да будто нечистая сила под видом белой лошади кледы караулит там. Кто ни начни копать, — лошадь вырастет из-под земли и бросится бить людей!

— Значит, там пробовали уже искать?

— Пробовали, да только не нашли ничего: ночью тайком кто-то порылся немного в разных местах...

Роман ушел спать, окрыленный надеждами на скорую удачу и совсем очарованный радушием хозяек; с наслаждением вытянул он на пуховике усталые члены. Сон почти моментально овладел им.

Утром, открыв глаза, он некоторое время с недоумением оглядывался, не будучи в состоянии вспомнить, где он и как попал в эту уютную комнату.

Вспомнив затем все разом, он посмотрел в окно и, увидав, что солнце уже высоко, вскочил и быстро стал одеваться. Платье его, тщательно вычищенное, высушенное и разглаженное, лежало на стуле около постели.

В столовой кипел самовар; Марья Степановна и Софья Степановна ждали его с чаем. Было уже девять часов.

Страшно смущенный и недовольный тем, что проспал, Роман стал извиняться. Его усадили за стол.

— Что это за поздно! — ласково проговорила Марья Степановна, подвигая к нему горячие сдобные булки. — После такого путешествия да вчерашней тревоги и дольше проспать не грех!

Первый вопрос Романа был, пришли ли братья. Узнав, что нет, Роман изменился в лице.

Сестры в один голос стали доказывать, что самое большее, что могло случиться, это, что Степка сбился вчера с дороги, заночевал где-нибудь, а сегодня вернется опять в усадьбу, и таким образом все сводилось к тому, что Роман лично должен сходить за братьями.

Около одиннадцати часов Роман, нагруженный съестными припасами, покинул усадьбу; в кармане его лежала записка к рыбаку насчет лодки и письмо к управляющему именем. Хозяйки вышли на крыльцо и взяли с Романа обещание непременно, если Юра все еще нездоров, привести и оставить его у них и во всяком случае до или после поездки вниз по Оке завернуть опять к ним.

С беспокойным сердцем пустился Роман в дорогу. Не желая входить в деревню, в которой выспрашивали они со

Степкой, где поместье Затуrowsкой, Роман обогнул его лесом, с трудом отыскал вчерашние заметки и часам к двум увидал наконец знакомые сосны и высокий курган.

Около него никого не было. Тревожное чувство Романа усилилось. Предчувствуя, что случилось что-то неладное, Роман почти побежал.

— Саша! эй! — крикнул он на ходу.

Только эхо откликнулось в лесу. Никто не показывался. Роман подбежал к кургану и заглянул в пещеру. Убежище их было пусто. Полным недоумения взором Роман обвел внутренность пещеры: вещи, в том числе и его мешок, исчезли.

Сомнения не могло быть: братья не отлучились на время, а ушли совсем, — но куда?

Он выбрался из пещеры и опять крикнул, немного спустя вынул револьвер и выстрелил. Эхо далеко разнесло удар, и опять наступило безмолвие. Около часа просидел Роман, не зная, что предпринять ему. Могло случиться одно из двух: или Степка не нашел вчера Сашу и Юру, заблудился в лесу, и они одни пошли, неизвестно куда, искать его с Романом, или же Степка нашел их, и они все вместе заблудились на пути к усадьбе.

Внимательно осматривавшиеся кругом глаза Романа встретили в траве белевшее пятнышко. Он нагнулся. На земле лежал небольшой кусок белого хлеба. Первое предположение, стало быть, рушилось: белому хлебу до возвращения Степки у Александра и Юры неоткуда было взяться.

Роман решил идти на розыски. Он подтянул ту же ремень, забрал принесенную им провизию и палку, так доблестно послужившую прошлой ночью, и стал разыскивать следы ушедших. Медленно пошел он по только что пройденному пути и вскоре заметил следы шести ног, глубоко отпечатавшиеся на размякшей от дождя почве; края их были смыты, и в углублениях стояла вода. Дождь прекратился еще вчера вечером; из этого Роман заключил, что Степка и братья покинули курган еще накануне. Роман миновал редкий молодняк и добрался до густого бора; следы в нем почти исчезли: на опавшей хвое изредка встречались

царапины каблуков, круглые оттиски от палок, помятый ногой мох. Наконец и такие заметки пропали. Добрые полчаса внимательно разглядывал Роман почву, — следов не оказывалось. Тогда он стал менять направление поисков, и труды его увенчались успехом: влево от настоящего пути он отыскал слабый отпечаток подбитого гвоздями сапога Степки. Место, где Степка сбился с дороги, было отыскано.

Тишина, как всегда в сосновых лесах, царила глубокая. Изредка только доносилось откуда-то постукивание дятла, молчаливо пролетали маленькие птички. Не давая себе отдыха, Роман неумолимо шел вперед по глухому вековому бору и наконец очутился на краю оврага; глина в этом месте была утоптана: точно шедшие долго стояли там, осматривались и переходили с места на место. Дальше следы вели в овраг и на другом берегу его описывали непонятные зигзаги. Роман сообразил, что, увидав овраг, которого не должны были встретить они, Степка понял, что сбился с пути, и сказал это Саше и Юре. На утоптанном месте произошло совещание. Затем они перешли овраг. Причину же бессмысленного круженья по лесу Роман объяснил себе тем, что наступила темнота и они не могли ни узнавать мест, ни намечать путь в лесу. Скоро Роман, опершись на палку, стоял на месте ночевки своих. На небольшой прогалине, у огромной, с нависшими ветвями, седой ели чернел выгоревший круг на земле; на нем валялись угли и головешки. Роман потрогал их рукой, — они были холодные.

Выбор для ночлега почти не закрытого природой места, среди сравнительно разредившегося леса, по которому могла проходить где-нибудь невдалеке дорога, заставил Романа нахмуриться. Он покачал головой и только что хотел приняться за дальнейшие розыски, как вдруг выпрямился, и на лице его выразилось изумление. Прогалинка вся была истоптана различными, несомненно, чужими следами. Виднелись отпечатки множества босых ног и огромных подкованных сапогов. Куст около костра был измят, точно тяжелое что-то было навалено на него; под пригнутыми и поломанными ветками куста темнел какой-то предмет. Роман нагнулся и вытащил изломанный в куски зонтик За-

туровских. Сомнения не оставалось: на спавших братьев и Степку ночью было произведено нападение. На сердце у Романа захолонуло. Он осмотрел полянку, и картина происшедшего быстро восстановилась перед его глазами. Саженях в пятидесяти пролегал проселок. От него отходили врассыпную следы почти двадцати человек. Орда эта шла после дождя, стало быть, ночью, так как следы все были свежи. Ворами они принадлежать не могли, — в ту ночь они были заняты усадьбой Затуровских; стало быть, прошла облава. Увидав в чаще огонь, крестьяне свернули к нему и крадучись, что показывали следы со значительно более, чем обыкновенно, углубленными носками ног и слабыми отпечатками пяток, — оцепили прогалину, затем разом бросились к ели, под которой спали принятые ими за воров путники и после борьбы схватили их.

Мысль, что Кучум, оставшийся с братьями, лаем наверное предупредил их и тем дал возможность бежать, немного ободрила Романа. Он встал с пня, на который уселся в раздумье, и стал осматривать край оврага. Он был истоптан тоже; значит, братья бежали, и крестьяне погнались за ними, так как иначе, мужикам делать там было нечего. Внимательно разглядывая широко расставленные следы, Роман спустился в овраг; там они расходились по разным направлениям; значит, те или тот, кого ловили крестьяне, скрылся в темноте от них, и они рассеялись шарить в кустах.

Открытие это обрадовало Романа еще более.

После долгих розысков ему удалось наконец найти, полузатоптаный ногами погони, маленький след Юры. Через несколько десятков сажен Юра, видимо, увернулся от крестьян: след его одиноко и явственно отпечатывался на влажном песке. Пометив местонахождение его несколькими оторванными от кустов ветками, Роман вернулся на луговинку с целью узнать, удалось ли уйти Саше. Но ни его, ни Степкиных следов нигде не оказывалось. После долгих и напрасных поисков Роман определил, в какую сторону дороги увели мужики пленных и, раздумывая, как вы-

ручить последних, пустился сперва за Юрой. Следы того крутились петлями.

Солнце уже закатывалось, в лесу начинало смеркаться. Усталый Роман зашагал быстрее. Неожиданно следы вывели его на дорогу. Роман увидел, что это та самая, по которой увели Александра и Степку.

Надвигалась ночь. Если сегодня в какой-нибудь оставшийся час он не успеет найти брата, то ему совсем придется отказаться от поисков, так как за ночь следы могли уничтожиться скотом или прохожими. Эта мысль заставила Романа побежать.

Положение дел начало рисоваться ему мрачными красками. Одно предположение, что придется для выручки Саши и Степки пойти и открыть, кто они и зачем явились сюда, что им могут не поверить и выслать этапом к отцу и матери, — наполняло душу его холодом и ужасом. Едва волоча ноги, задыхаясь и обливаясь потом, он бежал и бежал вперед. В висках у него стучало, в глазах темнело. Дорога все извивалась и извивалась по лесу; конца ей не предвиделось. И вдруг на одном из поворотов глаза Романа встретили в полутьме перед собой какое-то животное.

— Кучум!

Роман остановился и прерывающимся голосом позвал его. Собака замахала хвостом и подбежала к нему.

— Юра! крикнул, насколько хватало еще сил, Роман, и не успел стихнуть в темном лесу крик его, как кусты орешника сбоку дороги раздвинулись и из них выскочили две фигуры. Роман горячо обнял их: то были Саша и Юра.

ГЛАВА XII.

Проводив Романа и Степку, Саша сел около заснувшего опять Юры и стал ждать возвращения ушедших. Часы тянулись томительно, медленно. Около полудня проснулся Юра. Благодаря отвару шиповника, обладающему почти тем же свойством, что и хина, озноб у него прошел; ему захотелось есть. Но кроме трех картофелин, в мешке ничего не отыскалось. Александр развел угасавший костер, испек картофелины, отдал две из них брату, напоил его чаем, и тот, пригретый огнем, опять уснул.

Роман и Степка все не возвращались. Александр задремал. Было, вероятно, далеко за полдень, когда явился Степка. Сообщение, что их зовут в гости помещицы, вид закусок и теплых пледов привели в восторг братьев. Александр расшвырял ногами костер, мигом попрятал все в мешки и поделил их между собой и Степкой; Юру, хотя и чувствовавшего себя совсем хорошо, закутали в плед, вручили ему зонтик, и все весело тронулись вперед, закусывая на ходу и бросая куски булки и ветчины голодавшему с утра Кучуму.

Через час или через два ходьбы Степка, все время шедший уверенно, вдруг остановился, стал озираться, почесывать затылок и наконец заявил, что он «омманулси путем». Сладкие мечты о ночлеге под кровлей на теплой постели разлетелись как дым. Александр свирепо поглядел на смущенно топтавшегося с ноги на ногу Степку, назвал его идолищем и решил отыскать хоть какую-нибудь дорогу. Надвигались сумерки. Часа два проплутали они неизвестно где. Стемнело окончательно. Измученные, обманутые в радужных ожиданиях, путники устроились на ночлег под развесистой елью, могшей служить им вместо шатра на случай дождя. Юра советовал заночевать в овраге, но мягкий, бархатный мох под елью так соблазнил Александра, что он не смог побороть искушение. Развели огонь, поужинали остатками от присылки Затуровских, завернулись в шинели и пледы и уснули. Александр скоро проснулся; от ночной

ли прохлады, от страха ли перед мрачным глухим лесом, в котором остались они одни без Романа, только сон отлетел от него. Страх мало-помалу до того завладел Александром, что он разбудил Юру. Не прошло и десяти минут, как Кучум оскалил зубы и зарычал. Братья принялись будить Степку, но усилия их успехом, конечно, не увенчались. Тогда, охваченные смертельным ужасом, они собрали мешки и, вперив глаза в леденивший сердца их мрак леса, приготовились бежать. Кучум сорвался вдруг вперед и залаял. Из кустов, как горох, посыпались люди и с криками бросились к ели. Александр наскочил в темноте на ель, искололся о сучья, но мигом сообразил, что в ней его спасение, так как сзади и с обеих сторон уже слышался треск кустов и топот ног людей, забежавших наперерез ему; с быстротой кошки вскарабкался он на дерево и исчез в густых ветвях. Оттуда он видел, как на освещенного костром Степку с ревом навалилось с полдюжины мужиков и стали тузить его. Очумевший от сна, криков, вдруг наполнивших лес, и сыпавшихся ударов, Степка встряхнул было всех с себя, заработал кулаками, но на него надела еще куча людей; Степку опрокинули на куст и связали. Человек десять мужиков долго обыскивали овраг и часть леса, но безуспешно. Затем толпа окружила Степку и с угрозами, с бранью, подталкивая кулаками, повлекла его за собой.

Выждав, когда крестьяне удалились, и убедившись, что вблизи не осталось никого из них, Александр бесшумно соскользнул с ели и, руководясь отдаленным гомоном и осматриваясь по сторонам, пошел за толпой. Странное дело, — страх с него как рукой сняло.

Юра, свалившись в овраг, вскочил и стрелой понесся через кусты и ямы; он падал, опять вскакивал и, услышав наконец, что погоня прекратилась, остановился и стал соображать, что ему делать.

Искать Сашу было невысказано, оставаться среди леса одному — страшно. И Юра, слыша гул голосов облавы вдали от себя, сообразил, что там, вероятно, дорога, и Александр, может быть, тоже выберется на нее. Там братья и встретились, причем Кучум помог им опознать в темноте

друг друга. Неподалеку от деревни они притаились в кустах и, убедившись, что Степку не уведут дальше, выбрали самый густой куст, улеглись в нем и до самого света по-прежнему караулили друг друга.

Утром братья решили не уходить никуда и ждать Романа, так как надеялись, что он отыщет их или появится в деревне, куда увели Степку; тогда они увидят и выйдут к нему. Одним же идти в деревню после виденной Сашей ночной расправы со Степкой — было страшно.

Днем они поочередно отправлялись в лес и подкреплялись там ягодами и сыроежками; остававшийся влезал на громадный вяз, с вершины которого улица деревни открывалась как на ладони, и следил за происходившим в ней.

Около крытых соломой, находившихся по ту сторону дороги сараев или риг толпился и оживленно жестикулировал народ; в ригу входили какие-то люди, между прочим и урядник. У широких дверей, каждый раз после выхода посетителей запиравшихся засовом, сидел караульный с дубиной в руке. Степка, очевидно, находился там.

Наступил полдень; Роман все не являлся.

Часам к четырем дня Саша, на котором сказалась бессонная, полная тревог ночь и голодовка, начал падать духом...

Юра бодрился, поддерживал брата, но к закату солнца и его энергия, основанная на вере в приход Романа, начала таять. Саша впал в отчаяние; у Юры не выискивалось уже ни слов, ни сил поддерживать его. Где Роман, что случилось с ним, — ищет ли он их, нет ли, — ничего не было известно. Если бы не страх, что мужики избьют их, запрет, как Степку и будут судить потом, — Александр сейчас же пошел бы в деревню и выдал бы себя. Идти в противоположную сторону от деревни значило окончательно потерять надежду на встречу с Романом, а стало быть, и на удачу их дела. Наконец, куда привела бы дорога? В руки тех же мужиков, только из другого села!

Появление Романа, которого перестали уже и ждать, воскресило обоих.

Роман рассказал свои приключения и накормил братьев; затем состоялся совет, что предпринять дальше.

Открыл его Александр, заявив, что Степку надо пока предоставить его участи, не грозившей еще ему ничем особенным, а из ближайшего города отправить отцу телеграмму, изложить в ней все, и отец устроит так, что Степку освободят немедленно.

— Нет, — возразил Роман, — отца впутывать нечего. — Мать и так больна, подумал ли ты, как встревожится она за нас? Это не то...

— Ну, так надо освободить Степку! — порывисто воскликнул Александр.

— Как освободить? — изумился Юра.

— Выкрасть!

Роман кивком головы молча одобрил идею Саши.

Освободить Степку решили в ту же ночь.

Роман выспросил у братьев про место заключения и стал обдумывать план действий.

Александр и Юра снесли тем временем мешки, пледы и шинели в куст под вязом, стоявшим на бугре, в стороне от дороги. Александр, которым овладела какая-то лихорадочная жажда деятельности, незаметно вынул что-то из одного мешка и потихоньку сунул себе за пазуху.

Кстати сказать, вещи путешественников, и в том числе добыча из кургана, все уцелели: исчез только зонтик Затуровских. К прискорбию Романа, древний горшок, так бережно очищавшийся им от земли, разбился при падении Юры и представлял из себя мелкие черепки.

Выждав, когда мерцавшие огни в деревне погасли один за другим, Роман поднялся с места и стал готовиться к выступлению. Юра велел умному Кучуму караулить оставшиеся вещи. Чтобы не пересекать улицу, Роман решил обогнуть деревню полем.

Захватили палки и все осторожно пробрались через кусты и очутились у какой-то незнакомой дороги; за ней растянулось громадное ржаное поле. Все остановились и прислушались. Шелестела рожь; где-то кричал перепел. Не видя ничего подозрительного, путники двинулись по дороге.

Первым, как знающий местность, пошел вперед Юра, вторым Александр, шествие заключал Роман.

Темное море ржи сомкнулось за ними и зашептало снова на неведомом людям языке своем.

ГЛАВА XIII.

Если бы посторонний наблюдатель мог очутиться в описываемую ночь у деревни Сысоевки, он с удивлением и, пожалуй, со страхом заметил бы, что изо ржи позади сараев, стоявших отступя от середины деревни, одна за другой тихо выползли три человеческие фигуры.

То были Роман, Александр и Юра.

Они бесшумно добрались до угла первого сарая, поднялись на ноги и, озираясь по сторонам, прижались к бревенчатой стене его.

— Который сарай, Юра? — едва слышно скорее дохнул, чем сказал Роман.

Но сколько ни вглядывался Юра в смутные очертания строений, узнать тюрьму Степки не мог: не мог сделать этого и Саша.

Приходилось начинать поиски.

Роман выставил из-за угла голову и прислушался. Ни звука, ни шелеста ни изнутри сарая, ни кругом него не доносилось.

С левого конца деревни донесся бесцельный, сейчас же прервавшийся собачий лай; воцарилась опять тишина. Ворота сарая, у которого стояли они, оказались незапертыми, — Степки, значит, в нем не могло быть; сторожа у соседнего строения не было. Тем не менее, караульщик мог лежать у стены и, из опасения, чтобы он не заметил их на более светлом, чем земля, фоне неба, Роман сделал знак братьям, и все трое ползком перебрались через проулочек. Храпа изнутри второго сарая, по которому Роман рассчитывал узнать присутствие Степки, не слышалось: ворота, когда добрались до них, оказались даже не задвинутыми засовом.

Только что Роман двинулся дальше, из-под самых ног его выросла темная масса и, испуганно хрюкнув, метнулась в сторону. Братья разом шарахнулись к стене, прижались к ней и замерли. Проклятая свинья могла выдать их!

Несколько минут прошло в глубоком молчании; ни-

чего подозрительного не показывалось. Роман хотел уже перейти к следующему строению, поднял руку, чтобы дернуть за платье стоявшего рядом с ним Сашу и застыл, держа на весу ее.

Шагах в шести или семи от них послышался протяжный зевок.

— О, хо-хо! — проговорил чей-то хриплый голос; зевок повторился; послышалось почесыванье.

Впившиеся в темноту глаза кладоискателей едва различили лежавшую наискосок от них у стены следующего строения темную, огромную фигуру. Фигура завозилась, тяжело поднялась на ноги, постояла некоторое время на месте и, зевнув еще раз, бесцельно сделала несколько шагов прямо к братьям. Они стояли, как изваяния. На расстоянии вытянутой руки от Саши караульный остановился и, распространяя запах овчинного тулупа, стал глядеть на небо. Затем он поскреб затылок, медленно повернулся, задел полой шубы Романа и вразвалку пошел обратно. Слышно было, как он улегся у ворот на прежнем месте.

Минут десять, показавшихся им вечностью, никто из братьев не шевельнулся. Наконец Роман тронул Александра, тот Юру; все припали к земле, повернули обратно и, описав круг, стали на ноги позади строения, у ворот которого лежал спереди караульный.

Выждав еще минут десять, Роман ползком обогнул боковую стену сарая, подобрался к передней стенке и, услышав легкое похрапыванье сторожа, быстро вернулся к своим.

— Степка не спит! — шепнул ему Саша. — Вздыхает там, бормочет что-то...

Роман подсадил Сашу на крышу и вскарабкался к нему по бревенчатому углу. Юра прополз к передней стенке и стал караулить.

Роман быстро раскопал в соломе крыши отверстие, всунул в нее голову и шепотом назвал Степку по имени.

Неясное бормотание внутри сарая прекратилось.

— Степка! — повторил Роман. — Это я, Роман!

— Ну? — недоверчиво и радостно проговорил голос Степки; солома под ним зашевелилась.

— Тише! — шепнул Роман. — Мы выручать тебя пришли! Иди сюда скорее!

— Да не могу! — насколько мог тихо прогудел Степка. — Я связан!

Роман, не ответив ни слова, принялся расширять отверстие и только что хотел спуститься в него, как Саша удержал его за плечо.

— Пусти, я полезу! — прошептал он и, сняв с себя ременный пояс, привязал его к одной из жердей, на которых была настлана крыша, нагнулся и, точно нырнув, исчез внутри тюрьмы Степки. По легкому стуку его ног о землю Роман сообразил, что Александру пришлось прыгнуть, — ремень, стало быть, был короток. Роман тотчас же снял свой ремень, крепко привязал его к концу Сашиного и спустил вниз. Вытянув вперед руки, чтобы не наткнуться в темноте на что-либо, Александр добрался до Степки и оцупал его; Степка лежал у столба посредине сарая. Саша перерезал ножом веревки, туго скручивавшие Степке руки и ноги, вынул что-то из-за пазухи, положил на место, с которого только что поднялся пленник, и быстро направился с ним к отверстию в крыше. Поймав в воздухе конец ремня, Александр приподнялся немного на руках и снова опустился на землю. Вторая, третья и четвертая попытки его вылезть тоже не увенчались успехом.

— Не могу! — запыхавшись, проговорил он из сарая. Но не успел Роман ничего ответить, как голова Саши показалась уже в отверстии; Саша схватился руками за боковые жерди и, тяжело дыша, выбрался на крышу: Степка, заметив, что Саша попал в беду, схватил его своими могучими руками и, как перышко, посадил к крыше.

Саша сейчас же опять спустился до пояса в отверстие.

— Берись за мои ноги! — шепнул он Степке.

Тот ухватил его, как медведь, и не только Саша, но и часть крыши поехала внутрь сарая.

— Стой, стой! — отчаянно зашептал Саша, барахтаясь и цепляясь за что попало. — Да подставь что-нибудь себе!

— Нету ничего, — пустой сарай! — долетело снизу.

Роман сменил брата и тотчас же почувствовал, что на нем повисла словно десятипудовая гиря. Распластавшись грудью на крыше, захватив руками, как клещами, жерди, Роман с невероятным усилием подтянул вверх ноги. Саша, держась за перекладины, почти одними ногами, как клоун, повис вниз головой, быстро опоясал Степку ремнем под мышками и из всей силы принялся тянуть его. Через минуту Степка получил возможность ухватиться за жердь и, сопя, как тюлень, вылез наружу.

Саша разворочил солому и, неизвестно зачем, быстро заделал отверстие в крыше и спустился вслед за Романом и Степкой на землю.

Через час, захватив свои пожитки, путешественники наши шагали уже по проселку, направляясь к Оке. Смех и веселые шутки неумолчно раздавались в обступающем их безмолвном и черном, как ночь, лесу. Юра кричал и визжал, и лаял, и чуть не кувыркался от восторга. Кучум скакал вокруг него и вторил ему.

И как было не радоваться! Честь их была спасена и экспедиция не прервана! Все шли бодрые, обновленные точно. Даже Степка забыл про свои синяки и болевшие ребра и гоготал на весь лес, радуясь, как ловко одурачили они мушкетеров.

Встретившийся им по дороге какой-то запоздалый мужик бросил лошадь, соскочил с телеги и с испугом шарахнулся в кусты, приняв, вероятно, их по меньшей мере за леших. Неистовый вой, лай, визг и улюлюканье проводили его.

Ярко озарившее землю солнце застало путешественников далеко от Сысоевки. А в полдень они уже, в полной безопасности от преследования, с песнями плыли на лодке по приволью синей Оки.

В Сысоевке же взошедшее солнце осветило следующую картину.

Несколько раз подымавшийся ночью караульщик проснулся окончательно на зорьке, походил, разминая ноги, вокруг риги, затем запахнулся плотнее в тулуп, подвалился спиной к запертым на ключ воротам и сел. От нечего делать он приложил ухо к щели и стал слушать, что де-

лает узник. В риге было тихо. Несколько раз прислушивался верный страж, — та же могильная тишина.

Тревога закралась в него. Он встал, обошел кругом сарай и оглядел стены и крышу; все было цело, стало быть, узник мог только умереть, но никак не бежать из тюрьмы; сторож выловил из необъятного кармана ключ, отворил дверь и вошел в ригу.

Она была пуста. Мужик обыскал ее всю, затем, вне себя от изумления, подошел опять к соломе, на которой лежал Степка, думая, не прикрылся ли тот ею, взглянул на нее, — глаза его расширились, он выронил палку, попятился и вдруг закричал от испуга и, сломя голову, бросился бежать в деревню.

На ложе Степки, от подножья столба, страшно глядел мертвыми впадинами глаз череп; под ним белели две накрест сложенные кости. Их положил не утерпевший, чтоб не сошкольничать, Александр.

ГЛАВА XIV.

Чарующие картины развертывались одна за другой пред глазами наших путешественников. Справа высился причудливый нагорный берег; то громадный, головокружительной высоты отвес, на который стремительно несла вода их лодку, вставал перед ними, то он сменялся красными скалами и уступами, поросшими кустами и лесом; гребень берега увенчивал вековой бор.

Влево желтели отмели; вода казалась там зеркальной; течения почти не было. За отмелями расстилались необъятные зеленые поемные луга; вдали иссиня темнели леса. Зной, смягчаемый прохладой реки, почти не чувствовался. Все сидели, как очарованные. Приятно было полулежать и видеть, что быстро мчишься вперед. К рулю садились по очереди; Роман и Юра, хорошо владевшие им, направляли лодку в самую быстрину; с замирающими сердцами остальные следили, как правый берег летел мимо них. Александр и Степка правили плохо и потому выбирались к середине широкой водной равнины; лодка шла тогда тише.

Часам к трем влево, в версте или в двух от берега, показалась огромная лесистая гора. Над морем темно-зеленых вершин мирно сияли золотые кресты и главы церквей.

То был знаменитый в Рязанской губернии монастырь святого Иоанна Богослова.

Единогласно решили посетить его, и лодка причалила к пустынному берегу. Кроме монастыря, на многие версты кругом не виднелось никакого жилья; по мелкому, ровному песку берега, посвистывая, бегали серые кулички. Путешественники вытащили лодку до половины на сушу, оставили для охраны ее Кучума и, наперерез через луга, направились к горе.

По довольно отлогому скату добрались они до вершины; ее занимала засеянная рожью круглая поляна. Обогнув ее по опушке окаймлявшего ее кругом леса, они добрались до дороги, и скоро перед глазами их забелела невысокая

каменная ограда монастыря. По обе стороны от ворот вдоль стен тянулись ясли; над ними виднелись вделанные в стену старые железные кольца.

Справа, привязанная к такому кольцу, понуря голову, стояла запряженная в телегу пегая лошаденка. Людей никого не было.

Роман и его спутники вошли в ограду и очутились на монастырском дворе.

Мир и тишина царили там. Веяло чем-то особым, наполнявшим душу тихим благоговением.

Единственный встречный, небольшой, худенький монах, старец, ласково приветствовал наших спутников и, узнав, что они хотят осмотреть монастырь, оглядел двор, точно желая позвать кого-то; но видя, что кругом нет ни души, повел их за собой.

Одна из церквей находилась в саду.

Густые яблони, вишни, кусты смородины, крыжовника наполняли его; легкий звон от пчел и мух стоял в неподвижном воздухе; в нескошенной еще местами траве стрекотали кузнечики.

Монах привел их в один из уголков сада, занимавший выступ горы; Роман, а за ним и остальные остановились, как вкопанные.

Перед ними блеснула Ока. Широкая лента ее властно выгибалась по зеленому бархату бесконечных лугов; над нею вздымались горы; прямо, вдали, на высоком, озаренном солнцем обрыве виднелась древняя Рязань.

Несмотря на двадцатипятиверстное расстояние, благодаря прозрачности воздуха тех мест ясно можно было различить собор с сиявшими золотыми куполами, башню перед ним, с которой Хабар Симский отражал когда-то татар, и другие строения; высокий шпиль башни, ныне колокольни, далеко уходил в голубое небо; чуть виднелся древний терем князя Олега, ныне митрополичий дом, примыкающий к церкви. Долго Роман не мог оторваться от поразительного по красоте вида.

Только зов Саши заставил его последовать за остальными. Старичок монах, проводник их, на бледном лице и в

ясных глазах которого отражалось что-то задушевное и тихое, как сама обитель, шел молча, не желая расспрашивать странных гостей своих, может, не расположенных рассказывать о себе. Белая церковь была заперта. Все покрестились на нее, осмотрели рассеянные кругом нее камни на старых могилах и стали спускаться вниз.

Монах привел их к купальне, вырытой под горой в русле ключа. Вода эта слывет целебной. Степка подал первый пример и начал раздеваться. За ним стали раздеваться и остальные.

Монах сел на скамью и смотрел на них.

— Студеная вода! — заметил он; чуть надтреснутый слабый голос его был такой же ласковый и хороший, как он сам.

— Ничаво! Здоровей выйдем, батюшка! — радостно ответил Степка, разбежался и с маху бухнулся в воду. Через секунду его точно пружиной подкинуло на добрый аршин над водой; рот его был раскрыт, глаза вытаращены. Он издал рев и бросился назад к лестнице.

— Ну и вода! — стуча зубами и весь дрожа, проговорил он, выбравшись на деревянный пол. — На водосвятье в проруби теплее бывает!

Монах улыбался, Александр и Юра в нерешительности поеживались.

Роман подошел к краю и прыгнул: вода покрыла его; затем он встал на ноги, спокойно умылся и окунулся еще несколько раз.

— Что же вы? — проговорил он, обращаясь к Саше и Юре.

Один за другим те попрыгали в воду. Юра заверещал поросенком.

Степка, согрешивший уже на воздухе, помирал со смеху, глядя на судорожные движения их. Затем им овладел какой-то восторг: он бросил рубаху, которой вытирал лицо, и с хохотом шлепнулся опять в воду.

Барахтаясь и толкая друг друга, выбрались все из купальни, оделись, и монах повел их осматривать знаменитые подземелья, вырытые подо всей горой одним из спа-

савшихся там отшельников.

Кусты обступили их. Во полугоре виднелась старая часовенка. Монах взял в ней пять восковых свечей и зажег их; все подошли к полузакрытой кустами, темной, изъеденной червями деревянной дверце; за ней оказался вход в пещеры.

Приподняв свечу над головой, монах вошел первым. Прорезанный в плотно слежавшихся слоях песка и глины темный подземный коридор углублялся вниз; острыми зигзагами блуждал он затем глубоко под горой. Свод, стены и пол его казались гладко обточенными. Местами свод понижался; тогда приходилось сгибаться; ширина была вполне достаточная для прохода одного человека. Нет-нет и сбоку в коридоре открывалось отверстие. Монах всовывал в него руку и освещал небольшую келийку. В некоторых были вырезаны подобия каминов, над ними виднелись дымовые отверстия. В таких комнатках уцелели небольшие вязаночки дров, припасенные некогда отшельниками.

По количеству пройденных ступеней и наклону пола Роман видел, что они все глубже уходят в землю. Странное, — жуткое и вместе с тем приятное и благоговейное чувство объяло его душу; то же испытывали и спутники его.

Над головами их висела чудовищная толща земли, — миг и какое-нибудь сотрясение наверху, падение дерева, — и они могли очутиться заживо похороненными в бесконечных коридорах на глубине десятков саженей. И много лет никто не узнал бы, где они.

Коридор круто поворотил и начал повышаться. За одним из поворотов путники разом остановились; весь видимый свод коридора перед ними искрился и сверкал, словно сплошь выложенный миллиардами бриллиантов.

Степка и Юра ахнули. Монах поднял свечу, и все увидели, что свод и часть стен опутаны тончайшей, как волосы, сетью.

— Корни это... — проговорил монах и, держа высоко свечу, пошел дальше. На каждом корневом волоске дрожали озаренные огнями капли воды. Эффект получался неописуемый. Глаза у всех разбегались.

— Лес теперь над нами, — заметил монах, — оттого и корни здесь. Мы ведь очень глубоко под землю.

После довольно долгого странствования монах погасил свечу. Впереди слабо проглянул дневной свет. Потянуло свежестью. Утомленные спертым воздухом подземелья, все жадно вдыхали ее. Захотелось скорей выбраться на волю. Еще несколько ступеней вверх, и компания, жмурясь от света, очутилась у часовни.

На обратном пути, разговорившись с монахом, Роман сказал ему, кто они и зачем в тех местах. Тот слушал его, наклонив голову, вскидывал на него ясные глаза свои и тихо говорил:

— Так, так!..

Миновав сад, Роман попросил старца указать им пекарню. Монах предложил им потрапезовать вместе с ним и заночевать в их гостинице. Роман поблагодарил и отказался.

Старенький, со слезившимися глазами, монах-пекарь с удивлением оглядел вошедших, затем перевел глаза на стоявшего поодаль старца, почтительно поклонился ему и, когда Роман попросил продать им целый хлеб, молча взял со стола огромный, чуть не пудовый хлеб и протянул его Роману.

Александр, бывший казнохранителем, опустил руку в карман за деньгами и стал шарить в нем. Лицо его приняло испуганное выражение, он быстро сунул руку в другой карман.

Денег не было. Он выронил их при освобождении Степки!

— Потерял! — глухо промолвил он.

Роман изменился в лице.

— Что ты говоришь! — чуть не вскрикнул он. — Ищи хорошенько... не может быть!

Но наитщательнейшие поиски не повели ни к чему: деньги исчезли!

Весь красный от волнения, Роман обыскал свои карманы и нашел каким-то чудом завалившийся в блузе, аккуратно сложенный вчетверо бумажный рубль и протянул его и хлеб монаху.

— На рубль, будьте добры, отрежьте! — проговорил он.

Пекарь отстранил и то и другое и глянул опять на пришедшего с ними монаха.

— У нас в обители не берут за хлеб... — ласково ответил тот за него. — Даром он желающим раздается.

— Как даром? — сконфуженно спросил Роман. — Почему?

— А так... обычай такой. И не у нас одних, везде на Руси!

— Тогда я не могу взять его! — ответил Роман и положил хлеб на прилавок.

— Нет! — насколько мог сурово возразил монах и заступил дорогу хотевшему уйти Роману. — От хлеба-соли нашего никто не может отказываться! Не милостыня это, а благословение.

Монах так сказал эти слова, что не уступить значило обидеть и его и радушную обитель. Роман переглянулся с товарищами, взял хлеб и поблагодарил обоих монахов.

Сопровождавший в пещеры проводил их до ворот. В воротах Роман снял шапку, перекрестился на обитель и подошел поблагодарить еще раз и проститься с монахом.

Старец благословил его и всех остальных.

Роман подал ему рублевку.

— А это, батюшка... — нерешительно сказал он, — не откажите принять для бедных от нас... Больше нет...

Монах с тихой улыбкой отвел его руку.

— Сбереги его, дружок: пригодится еще он в пути вам. На добром желании спасибо! А хочешь если отблагодарить нас, помни всю жизнь, что Христос заповедал любить всех на земле. Забывают это в мире... Попомнишь — вот это настоящий вклад в нашу обитель сделаешь! Счастливого пути и удачи вам, дети! А буде не сыщете ничего, заходите опять сюда на обратном пути!

— Батюшка, позвольте узнать ваше имя, — спросил расстроженный Роман.

— На что тебе оно?... — тихо ответил монах. — Савватий имя мое.

Все поцеловали у него руку; он благословил их опять, пожелал удачи в поисках и долго стоял у стены монастыря, провожая глазами удалявшихся путников.

Солнце уже садилось, когда возвратились они к лодке. Верный Кучум приветствовал их радостными прыжками и лаем.

Пускаться в дальнейший путь было поздно, и так как на пустынном левом берегу Оки они находились в полной безопасности от преследования, то решили заночевать тут же, у лодки.

Тотчас вытащили ее, насколько оказалось возможным, дальше на песок, сыскали между поросшими ивняком песчаными буграми уютный уголок и принялись за устройство костра.

Напутствие доброго старца пролило много мира в омраченные невознаградимой потерей души всех. Тем не менее, путешественникам было не по себе. Роман, ни слова не говоря и без того убитому Саше, сел у самой воды и мрачно глядел на начавшую темнеть ширь Оки. Почти пятьсот верст отделяло от родного гнезда их, с рублем в кармане, затерянных среди дремучих лесов на великой реке.

Мысль, что делать и как вернуться, если не найдут они клад, — гвоздем засела в мозг Романа.

Вечерние тени, ложившиеся на землю, казалось, легли и на душу его. Но отступать и не довершить начатое было немислимо: Роман предпочитал смерть такому отступлению. Рука тронула за плечо Романа и голос Саши назвал его по имени.

Роман очнулся.

— Что тебе? — проговорил он.

Воздух позволял еще рассмотреть лицо Саши. Оно было бледно; углы губ подергивало.

— Что с тобой? — мягче сказал Роман, подымаясь с земли; Саша припал головой к плечу его и вдруг зарыдал.

— Полно, полно! — заговорил Роман. — Никто ведь не винит тебя: со всяким может случиться!

— Нет, я... я... один ви-но-ват... Как мы теперь?... — судорожные рыдания заглушили слова его. Нервы его, види-

мо, были напряжены до крайности. Роман взял брата за талию и стал прохаживаться с ним по отмели, стараясь успокоить его.

Последние розовые облачка погасали высоко над ними на очистившемся и побледневшем небе. Противоположный нагорный берег окутывался синей дымкой. Начали проступать звезды.

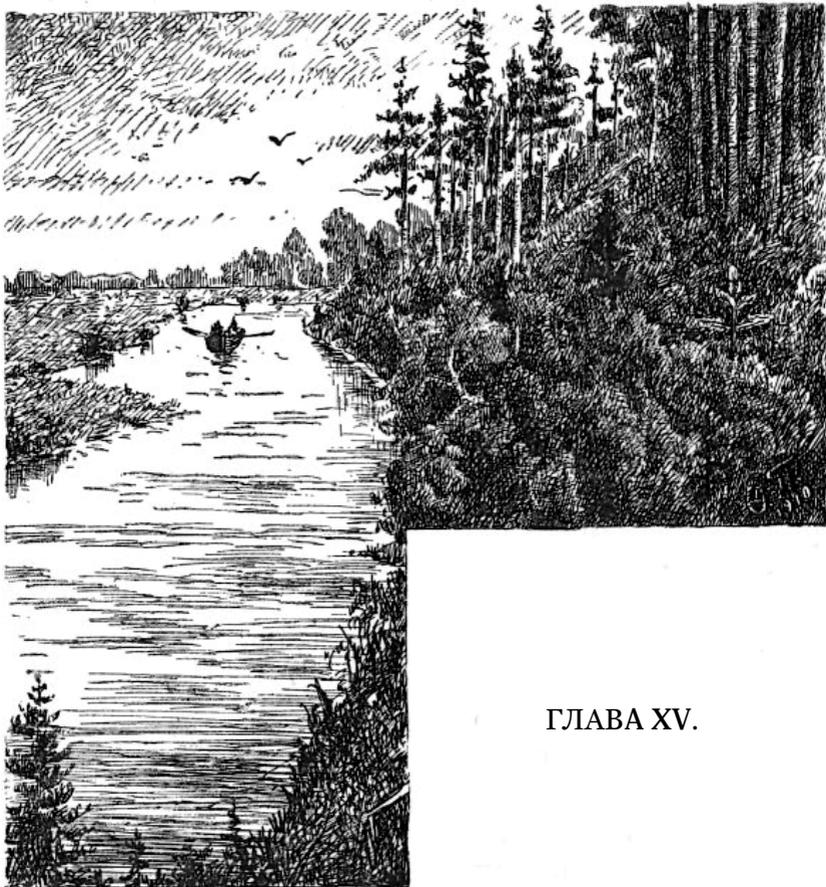
— Э-э-й! — донесся до Романа и Саши оклик Степки. Далеко разнесся по воде крик его. «Э-э-эй!» отозвалось через несколько долгих секунд это в противоположных горах; их уже не было видно; бесформенная, черно-синяя гигантская масса закрывала треть неба со стороны их.

Роман и значительно успокоившийся Саша повернули к костру, приветливо пылавшему среди темноты.

Не желая, чтобы Юра и Степка заметили следы слез на лице его, Саша быстро умылся. Ужин был более чем скромный: кусок мягкого монастырского хлеба и сколько угодно воды из Оки.

Разговоры продолжались недолго: стала сказываться усталость, неудержимо клонило ко сну. По совету Романа, ожидавшего вследствие близости воды холодной ночи, каждый выкопал для себя в чуть теплом еще от дневного зноя песке углубление и плотно улегся в него. Пледы Роман предоставил Саше и Юре. К Юре же забился под пальто и Кучум.

Закрыв хорошенько братьев, Роман подбросил еще веток в огонь и улегся последним. Глаза его остановились на усеянном яркими звездами небе, но повеяло свежестью и Роман надвинул шинель на лицо себе. В лугах крикнул коростель; высоко-высоко в темном небе протянула стая диких гусей; но Роман уже не слышал далекого гогота их: он сразу заснул непробудным сном.

ГЛАВА XV.

Восход солнца застал наших путешественников далеко от места ночлега. Несмотря на все желание выспаться получше, обычный на реках утренний холод еще до зорьки поднял всех и усадил у костра. К часам десяти утра лодка миновала устье реки Трубежа, омывающей обрыв, на котором стоит Рязань, — нагорный берег здесь круто и далеко отошел в сторону, — затем прошла плашкоутный мост и с удвоенной быстротой понеслась по течению. Справа, верстах в трех, за зелеными лугами виднелся на возвышенности город. Ока против него имела не более половины обычной

ширины своей; далее, по мере расширения русла, течение становилось все медленнее, и скоро лодка тихо пошла по зеркальной поверхности вод. Горы все еще высились далеко от берегов; живописная, многоглавая Рязань осталась позади; луга слева и справа начали холмиться и переходить в песчаные белые горы, поросшие можжевельником и соснами.

Местность делалась все живописнее.

Юра с раннего утра забрался на корму с удочками и к полдню успел выудить штук шесть язей фунтов от двух до четырех каждый и одну маленькую рыбку; Роман правил лодкой.

В полдень сделали привал; выкупались, сварили великопнейшую уху и, отложив про запас к вечеру двух самых крупных язей, поплыли дальше. Маленькую рыбку Юра привязал к сетке для раков и выставил на солнце; необходимо было, чтоб приманка «тронулась».

Совсем особенное чувство овладевает человеком посередине широкой и мощной реки: ему легко; на душе мирно и ясно; он делается спокойнее и добрее.

То же испытывали и наши спутники.

По пути изредка встречались лесистые островки; с левого берега кое-где косами врезывались в водяную гладь мели.

Миновав несколько прибрежных сел и деревень, путешественники перед закатом солнца решили пристать к какому-то поросшему кустами и лесом островку.

Со стороны фарватера причалить к нему оказалось невозможным: течение било как раз в обрывистый, довольно высокий берег его.

Пришлось взяться за весла и завести лодку с другой стороны. Вода там расстилалась как зеркало; отлогий берег островка и, на некотором расстоянии от него, вода поросли камышом и травами.

Роман ввел лодку в зашуршавшую стену камышей, и все выскочили на песок.

Юра и Степка тотчас же схватились за удочки и сетку для раков. Роман и Саша пошли размять ноги, уставшие от

долгого сидения в лодке, и осмотреть островок. В нем оказалось не более трехсот шагов в длину и шестидесяти в ширину. Одна половина его, точно гигантская ступень, высоко подымалась над другой; на месте перелома, среди полянки, закрытой кустами и громадными соснами, Саша наткнулся на какое-то отверстие. Он раздвинул кусты, заглянул в него и увидел пещеру.

Прибежавший на зов его Роман вместе с ним исследовал ее. Пещера оказалась огромной. По имевшимся на плотных глиняных стенах и потолке рубцах, оставленных орудиями каменотеса, Роман заключил, что пещера искусственная. А так как островок господствовал над рекой и течение неминуемо должно было проносить суда под самым берегом его, то Роман, тщательно взвесивший все, сказал, что на нем в прежнее время непременно должны были жить разбойники. Разбойники! Слово это наполнило душу Саши надеждами и восторгом.

Мигом сыскал он сухие смолистые суки; их зажгли и с факелами в руках братья принялись обыскивать все уголки пещеры. В дальнем конце ее, слева от входа, чернел отгороженный перегорелыми кирпичами очаг; над ним был пробит в земле дымовой ход. В стенах виднелись какие-то круглые дыры, точно от втыкавшихся в них когда-то палок; другая, правая от входа сторона, видимо, давным-давно заброшенного подземелья — осыпалась.

Без помощи щупа обойтись было почти невысказано. Александр оставил свой факел и, сломя голову, побежал к удильщикам.

— Юра, щуп, щуп где? — прокричал он, бросаясь к лодке.

Юра остолбенел с разинутым ртом: щуп, героически спасенный им во время бегства от облавы, он забыл в кусте под вязом!

Александр схватился за волосы и хотел изругать брата, но, вспомнив свою потерю, только застонал, забрал топор, кирку и две лопаты и побежал обратно.

Услыхав о второй потере, Роман не ответил ни звука, с ожесточением воткнул свой факел в стену и принялся раскапывать груды глины. Ему казалось, что та часть пещеры

обвалилась потому, что в стене ее имелся ход в глубину. Саша работа л за троих.

Через полчаса часть обвала была снята до половины. Роман не ошибся. В озаренной факелом стене на высоте среднего человеческого роста показалось отверстие. Оно было еще не шире ладони.

Не помня себя от волнения, братья заработали снова; щель расширялась, и скоро можно стало проползти в нее. Не обращая внимания на угрожающе висевшую над головой, вот-вот готовую рухнуть массу глины, Роман вырвал из стены факел, просунул руку с ним, а затем и голову в отверстие и стал осматриваться. Перед ним зияла пустота. Факел, не дав времени взглядеться в нее, зачал и погас.

— Воздух там сперт... Надо раскопать больше, — сказал Роман, высвобождая голову. Братья опять дружно принялись за работу.

Проход достиг наконец аршина в вышину; приток свежого воздуха стал достаточный. Роман зажег снова свой факел, взял три запасных и полез в темный проход. Саша хотел последовать за братом, но Роман, бывший уже по ту сторону стены, обернулся к нему.

— Останься! — сказал он. — Если засыплет, откапывай!

Замирая от волнения, Александр остался караулить; только треск дымившегося факела нарушал тишину. Вот-вот, казалось, тяжело рухнет массивный пласт глины и придавит находившегося где-то в недрах земли Романа.

Последний, между тем, медленно пробирался вперед. Воздух был сперт до удушливости. Факел, треща, тускло освещал второе подземелье; оно оказалось средней величины; часть сводчатого потолка обвалилась; глыбы глины загромоздили пол. Перейдя гряде обвала, полукругом отходящую к левой стене, Роман увидел перед собой новый ход. Арка над ним уцелела; Роман убедился, что она не грозит падением, согнулся и прошел под нею.

Она ввела в коридор. Направо из него располагалась небольшая комнатка с русской полуразвалившейся печью, дальше по коридору, но уже с левой стороны, Роман отыскал другой ход. Он осветил факелом, и первой бросилась

в глаза ему какая-то мрачная колоннада. Роман вошел и увидел, что он в огромной пещере; среди нее чернели два ряда толстых столбов, врытых для поддержания свода; тем не менее, вся находившаяся между ними средняя часть его рухнула; в образовавшийся провал проходил слабый свет. Роман заглянул вверх и увидел клочок голубого неба и вековые сосны.

Роман вернулся в коридор и, решив исследовать сперва расположение подземелья, пошел дальше. Пол заметно понизился. Вдруг Роман отшатнулся и схватился рукой за стену: правая нога его уже погрузилась в какую-то пустоту и, не заметь он вовремя, — провалился бы в колодезь. Он нагнулся и выставил, насколько можно дальше, вниз факел. В земле было квадратное, аршина в полтора, отверстие. Дна видно не было; глаза Романа различили почти совершенно уничтоженные ступени. Осторожно, держась за стены, он начал спускаться по ним. Лестница свела его в другой коридор; он был значительно уже и ниже первого. По бокам стояли ряды подпорок; перекладины и связи, поддерживавшие бревенчатый потолок, почти сгнили; местами бревна потолка угрожающе обвисали вниз. Романа охватило сыростью и запахом гнили; сквозь черные бревна потолка просачивалась и капала вода; на полу она доходила до щиколотки. Стены, подпорки— все было осклизло и мокро.

Жуткое чувство охватило Романа. Он остановился. Идти или не идти дальше? Страшный проход мог привести к казнохранилищу разбойничьей шайки, очевидно, когда-то хозяйничавшей в тех местах. Роман мысленно распределил уже, что маленькая комнатка с печью принадлежала атаману, а в большей помещалась вся шайка. Где же было казнохранилище? Разбойники, конечно, выкопали его в самом укромном и отдаленнейшем месте. Все эти мысли быстро мелькнули в мозгу Романа. Он стиснул зубы и двинулся дальше. Благодаря сильно изогнувшемуся своду, местами приходилось пробираться ползком.

Все внимание Романа устремлялось тогда на зажатый в левой руке факел: погасни последний, и положение Романа стало бы страшным. Сапоги, платье — все промокло на

нем до нитки. И вдруг правая рука Романа, пробиравшегося ползком под чуть не касавшимися спины его бревнами потолка, провалилась выше плеча в воду; он инстинктивно двинул левой рукой, ударил факелом по воде и, когда выбрался из ямы, — кругом царил непроницаемый мрак. Факел его погас.

С минуту пробыл Роман в оцепенении.

Мокрое тело его оледенело. Продолжать забираться дальше, вглубь неведомых лабиринтов, было немислимо; обратный же путь впотьмах был больше чем страшен, так как, зацепись Роман за бревна, толкни их — и потолок обвалится и придавит его.

Факел был необходим, как воздух.

Слева и справа доносилось бульканье просачивавшихся с потолка капель. Стоявшему на четвереньках, по локоть в воде Роману стало казаться, что благодаря этим каплям она растет, подымается выше и вот-вот затопит его. Смертельный ужас объял его.

— Саша! — сколько хватило сил, крикнул он. — Саша!

Крик замер в подземелье, точно в могиле. Саша был далеко. Никто не мог прийти на помощь к Роману.

И вдруг глаза его увидали свет, смутный, едва брезживший; он виднелся со стороны, куда направлялся Роман. Роман затаил дыхание; ему показалось, что он бредит. Но нет, свет мерцал!

Ползком, осторожно, но тем не менее стучаясь головой о боковые стойки, Роман стал пробираться к нему. Становилось суше; вода наконец исчезла совсем; Роман полз в гору. Приток света увеличивался; грудь Романа жадно уловила струю свежего воздуха. Страстное, лихорадочное нетерпение охватило его. Несмотря на близость выхода, ему неудержимо захотелось скорее, как можно скорее, выбраться из чуть не ставшего роковым для него прохода. Не обращая внимания на боль от ударов о бревна, он, насколько было возможно быстро, устремился вперед. Свет вливался широкой волной; показалась зелень.

Минуту спустя Роман стоял уже среди кустов. Фуражки на нем не было, — она осталась в подземелье. Мокрый, с

бледным от пережитых ощущений лицом, он огляделся вокруг, увидел над собой голубое небо и вдруг повалился на колени и жарко стал благодарить Бога за свое спасенье.

ГЛАВА XVI.

— Э-э-ей! — пронеслось по зеркальной поверхности заводи.

Юра и Степка, мирно сматывавшие лески, подняли головы и прислушались. Голос был знакомый; крикнули, казалось, с небольшого островка, расположенного саженьях в ста, наискосок от них.

Уже вечерело.

— Юра! э-эй! — донеслось опять из кустов островка.

Суеверный ужас изобразился на лице Степки.

— Господи Иисусе Христе! — проговорил он, — кто ж это зовет нас?... Голос-то Романа Ликсандрыча... Лодка наша здесь ли?... — Степка бросился в камыши взглянуть на нее. Лодка, врезавшись носом в песок, неподвижно стояла на месте.

Новый зов долетел до них, и на мысе таинственного островка показалась человеческая фигура.

— Это Роман! — сказал Юра, взглядевшись в нее.

— Как он туда попал? Надо ехать за ним!

И Юра встал, чтобы привести в исполнение сказанное. Степка быстро схватил его за руку.

— Не езд! — зашептал он. — Что ты! какой это Роман? Оборотень это, — наше место свято! Свят, свят, свят! На нечистое место попали мы! — И Степка начал креститься и бормотать отрывки молитв.

Юра остановился в нерешительности.

— Кабы ружье у нас было, — зашептал опять Степка, словно боясь, чтобы оборотень, отделенный от них широким проливом, не услышал его. — Перекрестить бы пулю да закатить ему прямо в лоб? Узнал бы тогда, как шляться!..

— Нет, это Роман! — сказал опять Юра. — Будет тебе пустилки болтать, — поедем! Может, он купался и заплыл туда!

— В платье-то?

Юра смутился.

— Все равно, поедем! — сказал он через минуту. — К берегу не причалим: если это оборотень, он и не достанет нас, — успеем уехать!

Последнее соображение подействовало: Степка сдался; они сели в лодку и отчалили от берега.

Александр, между тем, все ждал и ждал брата. Прошло десять минут, затем пятнадцать. Роман не показывался. Волнение Александра стало переходить в беспокойство за него. Факел догорал; в пещере начали колебаться какие-то тени. Александр, чтобы отделаться от них и от странного, беспокойно-жуткого чувства, овладевшего им благодаря одиночеству, зажег и натыкал в стену еще несколько факелов.

Яркий, красноватый свет озарил мрачную пещеру, — черное отверстие в стене сделалось еще чернее и загадочнее.

Роман все не выходил. Несколько раз Александр подходил к проходу, озираясь на висевшие над головой его глыбы, всовывал в него голову и прислушивался. Тишина царила гробовая. Тогда он позвал брата. Крикнул сначала вполголоса, точно боясь разбудить кого-то в недрах земли; звуки без малейшего эха поглотились черными переходами. Саша крикнул громче, затем еще громче. Ни ответа, ни звука. Факелы, вставленные в стену, догорели; их пришлось переменить. С Романом, очевидно, случилось несчастье, так как взятых им с собой суков не могло хватить на такое долгое время. Александра охватил ужас. Он вытащил из стены один из факелов, влез с ним в подземелье, отыскал вход в следующее и, не углубляясь в коридор, стал снова звать Романа.

Результат получился тот же.

Страшная мысль, что Роман задавлен землей, что он мертв, заставила задрожать Александра. Вне себя кинулся он вон из пещеры, бросив факел, выбрался в лес и, что было мочи, помчался за Юрой и Степкой.

— Юра! Степка! — издалека еще кричал он им не своим голосом. — Скорее сюда!

Навстречу ему не выходил никто.

Александр перескочил через кусты на бугры, закрывавшие от него берег, и остановился.

Берег был пуст. Ни Степки, ни Юры видно не было. Александр перевел глаза на камыши, — лодка тоже исчезла.

Неожиданно для себя, Александр сел на песок; им овладело оцепенение.

Когда через минуту он опомнился и вскочил на ноги, чтобы, несмотря на страшную опасность, бежать одному откапывать Романа, — глаза его упали на приближавшуюся к берегу лодку.

Подходила их лодка; в ней сидели Степка, Юра и еще кто-то. Александр взгляделся в него, протер глаза и опять стал рассматривать третьего человека.

— Роман! — воскликнул он вне себя от изумления. — Роман, это ты? Как ты попал сюда? откуда?

— С того света почти! — улыбаясь, ответил тот.

Лодка причалила; Александр одним прыжком вскочил в нее и, весь дрожа, горячо обнял Романа.

Роман рассказал, что случилось с ним в проходе, под руслом реки. Все слушали, затаив дыхание. Степка точно застыл, растопырив руки и ноги.

Скоро в первой пещере запылал гигантский костер; стало жарко; дров было в изобилии. Степка блаженствовал, мечтая попарить наконец хорошенько ночью косточки. Путешественники принялись готовить ужин; рыбы было наловлено много. Оживленные надеждой на скорое отыскание сокровищ, Юра и Саша говорили без умолку. Производство раскопок за поздним временем отложили до утра и, наготовив вороха сухого мха и сучьев, все улеглись на покой.

В ярко озаренном огнем бывшем притоне разбойников наступило безмолвие.

ГЛАВА XVII.

Первые лучи солнца только что начинали румянить вершины сосен, когда, вооруженные лопатами и киркой, путешественники вступили в недра пещер. Юра, на которого возложили обязанность наловить рыбы и приготовить к полдню обед, умолял взять и его ненадолго, чтобы хоть глазком взглянуть на загадочные подземелья.

С любопытством и каким-то странным чувством, не то боязнь, не то уважением, озирались все в безмолвной глубине земли. Роман привел своих спутников в комнату атамана и решил разведки начать с нее.

Юра с Сашей прошли осмотреть большое подземелье.

Роман воткнул факел в стену, Степка бросил вязанку запасных суков на землю, и, точно сговорившись, оба подошли к печке и стали разглядывать ее.

И Степка и Роман знали исконный обычай русских — делать под печью или в ней самой тайники и прятать там деньги и ценные вещи.

Степка залез под печь и долго шарил там; Роман обыскивал и выстукивал ее снаружи.

Ничего в старой, с рассыпавшейся трубой, печи не отыскалось. Степка вылез из-под нее, захватил кирку и молча принялся отбивать угол; пыль и осколки кирпичей забрызгали во все стороны. Роман лопатой прорезал стены и пол.

Вернувшийся Саша стал помогать ему; Юра побежал вприпрыжку к реке.

Печь обратилась наконец в груды разбитого кирпича. Три лопаты мигом взрыли землю под ней, но и там не нашлось ничего.

Часа через три комната стала неузнаваемой; ровные стены и гладко убитый пол ее покрылись выбоинами, кучами глины и ямами.

Все работы и поиски оказались бесплодными.

Перешли в большое подземелье.

Степка взял на себя отыскавшуюся в левом углу громадную печь, Роман дальнюю стену, Саша правую. Каждый зажег около себя по суку, и работа закипела снова.

Кирпичи с грохотом сыпались под мощными ударами Степки; облако пыли окружило его. Вдруг удары прекратились.

— Роман Ликсандрыч! — громко позвал Степка.

Роман бросил лопату и быстро подошел к нему; Саша примчался бегом и уже стоял около печи.

— Котел! — проговорил Степка; пот ручьями тек по красневшему лицу его. В полуразбитом углу печи чернели края замуравленного в кирпичах огромного котла.

Степка с новой силой принялся за работу, и через несколько минут котел тяжело вывалился на землю. Саша бросился на него и запустил в него руку. Сверху были истлевшие тряпки. Саша быстро выкидывал их одну за другой; лицо его начало вытягиваться.

Кроме тряпья, в котле ничего не было.

— Наверное, в нем хранились деньги, — проговорил Роман, разглядывая котел, так жестоко разочаровавший их. — Где-нибудь в печи был потайной выем, закладывавшийся кирпичом, и котел, таким образом, заменял несгораемый сундук..

Все разошлись по местам, и работа началась снова.

Только появление Юры заставило их вспомнить, что пора утолить давно ощущавшийся голод.

Обед и отдых заняли не более часа, и лишь перед закатом солнца вышли измученные кладоискатели вторично из подземелья.

За весь день тяжелой работы отыскивали только пустой котел.

Истомленный Саша, добравшись до своей кучи мха, повалился на нее, протянулся и в ответ на предложение Романа выкупаться, чтобы вымыть натертые до крови руки и покрытое потом и грязью лицо, молча отрицательно качнул головой и закрыл глаза.

Роман позвал тогда Степку, вышел с ним из пещеры и направился к Юре.

После купанья, сильно освежившего усталого Романа, Юра предложил подождать темноты и ехать затем багрить рыбу. Степка, привыкший сызмальства к тяжелой работе и потому чувствовавший себя отлично, согласился с восторгом. Роман, не желая отпускать их одних, сказал, что поедет тоже.

Юра помчался в пещеру, достал из своего мешка хранившийся там наконецник остроги, и Степка приделал к нему рукоятку; за отсутствием жаровни на носу лодки приладили низкую стойку с развилиной, на нее положили сук, так что он, будучи зажженным, выдвигался над водой, и с наступлением темноты лодка, освещая красноватым огнем темную воду и воздух, зашуршала по камышам и отчалила от берега.

Роман бесшумно правил веслами. Юра, ярко вырисовываясь среди мрака, стоял на носу лодки с поднятым багром в руке. Степка находился за ним и следил за каждым его движением.

Лодка тихо подвигалась вперед. Вода казалась вороненой. Смутно рисовались на небе очертания черных, как уголь, лесистых берегов и островков заводи.

Нет-нет и вспыхивали зарницы, озаряя на миг половину неба и все кругом синеватым светом.

Теплый воздух не шелохнулся.

Юра вдруг точно осел на левую ногу и с маху ударил багром в воду. Раздался всплеск, и багор заметало в руках у него из стороны в сторону. Степка поспешил на помощь и вдвоем они осторожно вытащили на дно лодки бившуюся огромную щуку.

Степка хлопнул себя по ляжкам и захохотал от восторга.

— Вот так рыбина! — вскрикнул он.

На него цыкнули, так как тишина — первое условие удачной ловли, и все заняли прежние места.

Через какой-нибудь час на дне лодки лежали две щуки, фунтов по пятнадцати каждая, лещ фунтов в пять и такой же окунь.

Степка глядел на Юру с восхищением. Наконец, он не вытерпел и попросил пустить его и дать хоть разок ударить багром.

— Да ведь ты не умеешь! — сказал Юра.

— Эка! Чаво тут не уметь! — возразил Степка.— Небось, наскрозь рыбину просажу, только попадись!

Юра, посмеиваясь, передал ему багор и поменялся местами с ним.

Роман не слышал шепота их; он, чуть обмакивая в воду весла, полулежал на корме и, утомленный работой, разнеженный тихой ночью, мечтательно глядел то на таинственные купы соснового леса, то на черный бархат реки. И вдруг вспыхивала зарница, река загоралась фосфорическим светом, леса и острова выступали, и тотчас же снова все погрузилось в глубокий мрак.

Степка, напряженно вглядывавшийся в светлый круг на воде, стоял впереди, как изваянный.

И вдруг что-то смутно мелькнуло перед лодкой.

Степка замер.

Из глубины выдвигалась голова рыбы, тупоносая, широкая. Степка различил огромную спину, плавник, круглые немигающие глаза... Все, весь мир сосредоточился для него в этой голове! Он, что было силы, взмахнул острогой и, точно провалившись, бултыхнулся в воду.

Громкий крик и тяжкий всплеск заставили Романа очнуться и вскочить на ноги. Хохот Юры и исчезновение Степки объясняли ему, в чем дело. Он бросился на помощь Степке; руки того уже судорожно цеплялись за край лодки. Вдвоем с Юрой ухватились они за них, и из-за борта показалось мокрое и перепуганное лицо наглотавшегося воды Степки.

Юра упал на дно лодки и хохотал до колик.

— Вот так рыбу мы выудили! — кричал он, когда его отпускало немного. — А говорил, «умею»! Вот так «наскрозь пробил рыбину»! Ха, ха, ха! — и Юра вновь заливался смехом.

Степка, с которого вода лила ручьями, молчал и тяжело сопел в ответ на насмешки приятеля. Роман, выживав-

ший из воды картуз и острогу, не выдержал и улыбнулся сам, глядя на забавную фигуру Степки, сидевшего в прилипшей к телу рубахе.

— Как это тебя угораздило? — спросил Роман.

— Бодай ее! — проговорил Степка. — В самую башку ей намерился. К-э-эк вдарил, — а багор-то ровно в прорубь пошел, — и я за ним... Омма-нулси!

Новый взрыв хохота Юры приветствовал рассказ его.

О продолжении багренья не могло быть и речи. Роман повернул лодку и, чтобы не дать возможности продрогнуть мокрому Степке, засадил его за весла.

Лодка полетела стрелой.

Саша спал уже крепким сном, когда, приветствуемые радостным лаем Кучума, рыболовы вернулись в пещеру. Роман поглядел на Сашу и, увидав, что лицо его бледно, губы сжаты, подошел и положил руку на лоб ему. Жара не было; болезненное выражение было только следствием чрезмерной усталости. Успокоенный Роман подбросил дров в огонь, и вновь прибывшие уселись ужинать. Затем Роман и Юра улеглись, и только Степка долго еще сидел у костра, суша на себе платье.

— Потому ты упал, — слышалось сквозь дрему Роману объяснение Юры, вполголоса беседовавшего со своего ложа со Степкою, — что метил в саму рыбу; а надо метить вершка на два ниже нее.

— Почему ?

— Потому что вода преломляет отражение... вот так...

Дальше Роман не разобрал ничего. Он уснул.

ГЛАВА XVIII.

Утро следующего дня занялось пасмурное; дул теплый ветер; по небу быстро и низко неслись стаи серых туч. Все предвещало дождь. Проснувшийся ранее всех Юра взял удочки и, пожалев будить остальных, вышел из пещеры. Вершины сосен угрюмо шумели. Водная равнина Оки казалась свинцовой; по ней ходили волны, глухо и зловеще бились они о берег островка. Ловить рыбу было немислимо. Юра постоял на берегу, поглядел на разводившееся волнение и пошел бродить по неисследованному еще им островку.

Между тем, в пещере проснулись и остальные; шел совет, что делать дальше: продолжать ли раскопки в пустынных подземельях, что при их средствах, по мнению Романа, почти наверное должно было оказаться напрасным, или же ехать дальше и искать курганы, в которых скорее можно добыть что-нибудь.

Саша упорно стоял за продолжение работ на месте. Роман, видя возбужденно-болезненное настроение его, уступил. Степка взял кирку, Саша и Роман лопаты и отправились продолжать тяжелую работу. Разбойники, по предположению Романа, или увезли с собой, уходя от преследований, свои сокровища, или же их перебили здесь и добро их либо расхитили тогда же, либо оно уцелело, но так скрыто, что при помощи лопат и кирки обнаружить кладь, на пространстве целого островка, было немислимо.

Тем не менее, работа закипела. Александр обязал платками болевшие руки и молча, с остервенением рыл землю. Роман то и дело подходил и глядел на работу его и Степки, предупреждая каждый раз, чтобы они очень не подрывали стены: малейший обвал мог повлечь за собой падение всего свода.

Не успел Роман договорить предостережение Саше, как вдруг грохот прервал его. Рухнул свод над местом, где ра-

ботал Степка. Мелкие куски глины посыпались на головы Романа и Саши.

— За мной! — крикнул Роман и, схватив за руку брата, быстро выбежал за колонны под открытое небо. Там уже стоял облепленный землей, перепуганный Степка. Не прошло и минуты, тяжело рухнул свод, из-под которого выскочили братья. Что-то громадное ударило сверху извне по уцелевшей еще части его; она с грохотом провалилась тоже. Сквозь густую пыль замелькали вверху какие-то со страшной мощью падавшие тени. Удары следовали за ударами; земля дрожала от них под ногами кладоискателей. Происходило точно землетрясение. Густая пыль, наполнившая место бывшего подземелья, словно в трубу, подымалась наружу. Образовавшаяся гигантская яма походила на дымящийся кратер.

Когда пыль улеглась немного, полузадохнувшиеся от нее землекопы увидели, что пещеры более не существует. Слово зубцы торчали с прежнего дна ее полузасыпанные груды земли, дерна и глины черные столбы; между ними протягивались красноватые стволы и зеленели густые вершины огромных, обхвата в три сосен, упавших вследствие обвалов земли под ними; на краях ямы виднелись вывороченные корни, свисал дерн, торчали обнажившиеся корни устоявших деревьев.

Степка глядел вокруг и крестился.

Лиц ни у кого не было видно: слой налипшего песка и пыли покрывал их; только глаза блестели в прорезы.

— Ну, Бог нас спас! — проговорил Степка, придя в себя от испуга.

— Зато раскапывать теперь не надо, — и так все видно будет! — возбужденно ответил Александр.

Захватив с собой инструменты, кладоискатели выбрались из ямы по одному из стволов и стали осматривать место разрушения. Роман первым делом обошел глубокие ямы под корнями деревьев; их оказалось семь. Как ни жаждал Роман увидеть что-либо в них, они были пусты.

Саша пробирался по самому краю провала и высматривал, не обнаружилось ли чего-либо. Поиски его были тоже

бесплодны.

Все трое вернулись к пещере и увидели, что половины ее не существует; по счастью, та часть, где была их спальня и лежали вещи, уцелела; треснувший, с иззубрившимся краем свод угрожающе свисал над нею. Тотчас вынесли вещи, и путешественники расположились под открытым небом.

Стал накрапывать дождь.

— Нельзя сказать, чтоб он начался вовремя! — недовольно заметил Александр. — Что же мы предпримем теперь, господа?

— Прежде всего, я думаю, предпринять купанье: мы совершенные углекопы!

Саша оглядел себя, брата и Степку и тут только заметил, до какой степени пыль и земля облепляли их.

— Чаво мыться! — возразил Степка. — Сперва вот шалаш сделаем, а потом уж и мыться заодно будем. А то пойдет дождь, — куда мы подемся?

Совет Степки был дельный; тотчас же отправились за сбором материалов. Степка вырубил десятка два жердей, отыскал защищенное от ветра место, вбил в землю две жерди наподобие козел, затем, отступя сажени две, вбил еще козлы, сверху на развилки положил и привязал пятую жердь, потом наклоном от нее вбил остальные и стал оплетать получившийся скелет шалаша ветками; Александр и Роман заполняли промежутки мхом; мхом же устлали и внутренность его. Когда уютное и теплое помещение было готово, все отправились мыться к реке.

Юра они застали вбивавшим кол в прибрежный песок. Волнение в заводи было сравнительно небольшое, тем не менее лодка колыхалась, грозя уплыть с места стоянки. Юра привязал ее и присоединился к своим.

Выбрав защищенный от продолжавшего накрапывать дождя уголок под соснами, компания разделась и вошла в воду.

Александр, осторожно ощупывая отлогое дно ногой, вошел последним. И вода и воздух были теплы, как парное молоко.

После купанья занялись стиркой давно нуждавшегося в этом белья и развесили его у костра под деревьями.

Зашел разговор, что делать. Желание продолжать поиски на островке Александр не изъявил больше; решили переждать непогоду и ехать дальше.

Непогода ли, неудача ли и утомление сказались — только настроение духа сделалось у всех невеселое. Даже Роман охватил руками колени, опустил на них голову и крепко задумался. Да и было с чего. Последний опыт показал все их бессилие перед взятой на себя задачей. Если б наверное даже могли они знать, что на таком небольшом, сравнительно, пространстве, как их островок, зарыть клад, — они все же не в силах были бы найти его: потребовались бы года, чтоб шаг за шагом изрыть землю. Что же им делать дальше, на огромных городищах? Не пустая ли затея весь поход их?...

Роман поднял голову, молча поглядел на лицо Саши и прочел, что и того обуревают такие же мысли.

Юра и Степка, лежа на животах и болтая ногами, мирно беседовали о ловле различных рыб.

— Ничего, Саша! — отрывисто сказал Роман, — займемся курганами! Наверное, добудем что-нибудь!

Саша усмехнулся.

— Именно что-нибудь! — вполголоса ответил он. — Нам нужно много, а не что-нибудь, не такие пустяки, какие отрыли уже!..

Белье просохло; все оделись и отправились к шалашу. Остаток дня прошел в бездействии.

Дождь усилился; всем было томительно скучно. Один только Степка спал, как сурок, зарывшись в теплый мох у задней стены шалаша; храп его и однообразное посвистыванье ветра да шум леса нагоняли еще пушую тоску на всех. Наконец стало темнеть; подошел желанный гость — сумерки.

Мало-помалу уснули все. Среди ночи Александр ощутил что-то мокрое, капавшее на висок его, и проснулся. Лил дождь; шалаш протекал местами; мрак висел непроницаемый; лес гудел под напорами ветра; слышался сильный пе-

ребой дождя, прерываемый скрипом сосен да плеском волн о находившиеся неподалеку обрывистый берег.

Александр передвинулся на сухое место, положил руку под щеку, и прежние горькие думы о грозящей им неудаче с новой силой пробудились в нем. Не скоро заснул он, а когда проснулся, брезжило уже утро, такое же тусклое и дождливое, как минувший день.

Саша встал и вышел из шалаша. Заволокшееся серой мутью небо не обещало скорой перемены в погоде. Кругом все было мокро, ходить было почти нельзя, — ноги вязли и расплзались на глинистом грунте.

Оставалось одно — лежать и скучать в шалаше. Промокший Александр забрался опять в него; братья его и Степка проснулись.

Лица у всех, даже у Степки и Юры, хмурились.

Подошел полдень; погода все не разгуливалась. Лежать в шалаше сделалось для всех нестерпимым. Саша первый предложил «плюнуть» на все и ехать дальше. Юра и Степка дружно подхватили его предложение.

— Все едино ведь, — мрачно добавил Степка, тряхнув головой, — утонуть ли нам аль землей быть задавленным! Живы все одно не вернемся!

— Да наконец, сколько же времени мы просидим здесь? — сказал Саша. — У нас его немного; посидим здесь с недельку, — с аукциона продадут Лунево!

Роман сдвинул брови: замечание Саши попало в самое болезненное место его. Он взял свои заметки и углубился в них. По приблизительному расчету вышло, что имение Софьи Степановны, ставшее теперь главной целью их странствований, находилось не больше, как в одном дне пути вниз по течению. Роман свернул бумаги и отправился к берегу посмотреть на реку. Волны ходили значительные, тем не менее, ветер дул попутный, стало быть, волны били бы в корму и страшны не были.

Взвесив все за и против отъезда, Роман вспомнил последние слова Саши, махнул рукой и, быстро подойдя к шалашу, решительно заявил:

— Едемте!

Поднялась шумная возня; все оживились. Сборы были недолгие. Саше пришла в голову мысль устроить для защиты от дождя невысокий навес над лодкой; тотчас же нарубили длинных палок, изогнули их, приделали концы к противоположным бортам, затем заплели получившийся свод ветками, и похожее на кибитку убежище было готово. Мешки уложили под лавки. Юра позвал Кучума, и братья уселись. Степка, стоявший в воде с засученными выше колен штанами, отвел нос лодки от отмели и, оттолкнув, вскочил на него; камыши зашелестели, и лодка, колыхаясь, поплыла по заводи.

— Прощай, островок! — воскликнул, махая фуражкой, Юра. — Господа, мы забыли окрестить его! Как назвать его?

— Островом обвалов! — проговорил Роман.

— Островом неудач! — мрачно сказал Саша.

— Утопленников! — вставил Степка и вдруг захохотал и замотал головой. — Как это я с лодки-то того... сверзился!

— А по-моему, надо назвать его островом тайн! — воскликнул Юра.

— Верно! поддержал Роман.

— Да здравствует Остров тайн! — закричал Юра. — Ура-а!... — и в ту же минуту ткнулся носом в плетенку, закрывавшую добрых три четверти лодки. Они входили в фарватер; волны подхватили и закачали лодку.

Роман не выпускал руля; малейшая оплошность, и первый же удар волны в борт опрокинул бы их утлое суденышко.

Беспредельная, буро-желтая поверхность Оки казалась изрытой ямами; волны, набегая одна на другую, обгоняли их. Под лодкой клокотало.

— Будет буря, — с тревогой сказал Роман, вслушиваясь в клокот этот. — Поглядите-ка кто-нибудь, каково небо?

Юра вынырнул из-под навеса, огляделся кругом и заявил, что небо серо по-прежнему и подозрительных туч нет.

Лодка быстро неслась по течению. На далекие живописные берега никто не смотрел; глаза всех были прикованы к волнам. На гребнях их стала показываться белая пена — зайчики. Под шум волн и свист ветра в ветвях навеса путеше-

ственники, предусмотрительно сварившие утром всю рыбу, кое-как закусили.

Качка увеличивалась.

Роман передал руль Юре и вышел сам взглянуть на небо. Волны превратились уже в бугры. Лодка стремительно взлетала на них и еще быстрее скользила в разверзавшиеся между ними пропасти.

Казалось, вот-вот обнажится дно и почти отвесно падавшая лодка ударится в него носом и разлетится в щепки. Все крепчавший ветер рвал шипевшую пену и далеко разносил ее и брызги воды. Лицо и непокрытые, развевающиеся волосы Романа намокли в одну минуту.

Плыть дальше было безумием. Но поворот к берегу грозил не меньшей опасностью: переходивший в бурю ветер и волны разом могли перевернуть вверх дном лодку; весла были почти бесполезны. Оставалось нестись по течению и понемногу забирать и забирать к одному из берегов.

Роман твердой рукой взялся за руль и чуть повернул его; несмотря на едва заметный уклон от течения, лодка накренилась: волна хлестнула ее в борт. Степка принялся выбрасывать лопатой набравшуюся воду, но качало так сильно, что стоять не было возможности. Он схватился за одну из стоек и сел.

Неистово забушевавший ветер выл и рвал ветки с pokrышки над лодкой; они летели во все стороны; нос зачерпнул воды, и ее набралось вершка на два; выкачивать было невысказано. Вдруг страшный удар обрушился на корму; лодку швырнуло, как мячик, и огромный вал прокатился вперед. Всех обдало водой. Роман нажал рукоятку руля, чтобы стать под ветер, и рука его легко мотнулась в сторону: сопротивление руля исчезло. Роман вскочил и, оторвав часть плетенки, увидал, что руль сломан.

— Долой плетенку! — крикнул он, стараясь сохранить спокойный вид. — Опрокинет иначе! — И он первый начал сокрушать ее. Но не отняли ее и до половины, — ветер вырвал ее из рук их и швырнул в воду. Разъяренная стихия бушевала с ужасающей силой. Целые горы ходили по равнине Оки. Лодку заворачивало кормой.

— Роман! — крикнул Юра. — Руль-то, рулем правь!

— Берись за весла! — вместо ответа скомандовал Роман.

— Лопату мне!

Саша и Степка, понявшие, что произошло, схватились за весла; Роман, напрягая все силы, поставил при помощи лопаты корму на место; но в ту же секунду вырос новый водяной холм, гряну л всей массой на лодку и весел как не бывало; только у Степки остался в руке обломок его; сашино несло далеко в волнах.

Швыряемая с волны на волну, полужалитая водой, лодка мчалась головокружительно.

Платья на всех были мокры; Степка, Юра и Саша, уцепившись за уключины, сидели бледные, как мел; под ногами их жался Кучум. Роман, руками и грудью нажимая лопату, не давал волнам повернуть лодку бортом под ветер; попытки выйти из быстрины оказались напрасными.

— Берег впереди! — резко крикнул Роман. — На него выкинемся! Собирайся!

Все схватились за вещи: берег приближался со страшной быстротой; Роман, сколько хватало сил, правил к нему. Еще миг и лодка, как птица, должна была взлететь на песчаную отмель. Все замерли.

Но не успел никто ахнуть, как корма лодки вдруг вскинулась высоко вверх, борт показался ветру, чудовищная, вспененная гора рухнула на головы путешественников, и все исчезло в воде.

ГЛАВА XIX.

Роман помнил только, что, полуоглушенный ударом волны, он инстинктивно ухватился за что-то рукой и погрузился в воду. Затем, не выпуская схваченного, он с секунду барахтался под водой, его подняло на поверхность и с силой швырнуло на берег. Роман вскочил на ноги, шатаясь отбежал от захлестываемой водой отмели и увидал, что за ним ползет человек. То был Саша.

Это его воротник ухватил Роман в момент крушения. Немного поодаль выбирались из воды Юра и Степка. По счастью, крушение произошло на неглубоком месте и потому все, в том числе и Кучум, избежали опасности. Но лодка и вещи погибли: кирка, лопаты, мешки с рыбой, добыча из кургана — все было поглощено Окой!

Только одна удочка Юры сиротливо лежала на прибрежном песке. Юра поспешно схватил ее и отбежал к своим.

Первое время никто не мог опомниться; все сели под огромной сосной и, тяжело дыша, молча глядели на бушевавший перед ними простор Оки. Вода ручьями стекала с их волос и платьев; шапок ни у кого не было.

— Что же теперь делать? — проговорил наконец Александр. Ответа не дал никто.

Немного погодя Роман встал.

— Идемте! — сказал он. — Надо жилье найти, — простудимся иначе!

Все вошли в лес. Вершины его ревели; деревья со стоном раскачивались; сверху летели сухие сучья и зеленые ветви.

Прошло несколько минут, и шедший во главе отряда Роман остановился. За стволами деревьев темнела и вздымалась вода; лента левого берега Оки виднелась далеко впереди. Они были на острове!

— Вот так фунт! — проговорил Роман, осмотревшись по сторонам. — Однако, господа, беды еще нет большой, энергию терять нечего. Давайте сушиться сперва, затем найдем, что сделать! — И Роман стащил с себя сапоги и мокрое пла-

ть, отжал его и, набросив на качавшийся от ветра куст, остался в одном белье. Примеру его последовали и остальные. Спичек, чтобы развести огонь, не оказалось; Роман отыскал две палки, сухую и сырую, и велел их Степке тереть попеременно с Юрой, а сам, в сопровождении Саши, отправился на осмотр новых владений. Островок оказался крохотным, — не более полудесятины; густой, вековой бор сплошь покрывал его. Благодаря этому, идти в мокром белье было не особенно холодно: яростно бушевавший в вершинах ветер внизу почти отсутствовал.

Приблизительно через полчаса разведчики, убедившись, что островок их пустынен, вернулись обратно. Огня еще не добыли. Степка и Юра, раскрасневшиеся и вспотевшие от усилий, ожесточенно терли куски дерева, но толку не выходило. Роман и Саша сменили их. Степка и Юра тем временем облачились в успевшие уже просохнуть на ветру платья и разбрелись на поиски съестного.

Первый остановился Саша.

— Ффуу! — проговорил он, опуская руки. — Эта отвратительная деревяшка никогда не загорится! Жарко тебе?

— Жарко! — ответил Роман, утирая рукавом пот со лба.

— Ну, так зачем же нам этот дурацкий костер, раз мы и так согрелись? — с этими словами Саша принялся одеваться.

— А ужин как готовить будем?

— Ужин? Было бы что готовить! — ответил Александр.
— Насчет еды придется, кажется, отложить попечение!

Степка и Юра вернулись, не найдя ничего. Положение их было до того печально, что Александру стало наконец смешно; он расхохотался, за ним и все остальные. Выбрали укромное местечко под елью, расположились на нем, и поднялся смех и оживленные разговоры. Решили выждать благоприятной погоды; тогда Роман, привязав платье на голову, вплавь должен был добраться до берега, отыскать у рыбаков лодку и вернуться за остальными. Имение Софии Степановны было где-то неподалеку, и они прямо направятся туда к управляющему, возьмут лопаты и все необходимое и примутся за работы. Будущее, таким образом, прояснилось. Юра, в восторге от мысли, что они теперь Робин-

зоны, катался под елью; только один голодный Кучум не разделял общего веселья и угрюмо смотрел на неизвестно почему, с голода, что ли, по его мнению, сошедших с ума спутников. Наконец он встал и, обнюхивая землю, потихоньку поплелся в лес.

— А ведь Кучумка-то ужинать пошел! — заявил Юра, следивший за ним. Слова эти опять напомнили всем, что поесть было бы куда как хорошо.

Один за другим все разошлись на новые поиски.

Саша вернулся с полными карманами еще никуда не годных орехов, Юра принес десятка два сыроежек; Степка и Роман не показывались. Саша подождал минут десять, затем аукнул.

— Ау! — отозвался из чащи голос Степки. — Мы здесь! Идите-ка сюда!

Саша и Юра побежали на зов; пробравшись сквозь кусты, они очутились на крохотной полянке; среди нее на коленях стоял Роман, немного далее, на коленях же, ползал Степка. Между ними сидел Кучум и глядел то на одного, то на другого.

Прибежавшие остановились и с минуту, не двигаясь, глядели на них.

— Что, вы ошалели, что ли? — промолвил Саша.

Роман тут только заметил появление братьев.

— Поди-ка сюда, Саша! — взволнованно сказал он. — Взгляни, что я нашел!

Саша увидал среди травы большой, заросший мхом, островерхий камень. Роман тщательно очищал его прутиком. На серой поверхности его виднелся грубо высеченный крест. Саша схватил другую ветку и принялся помогать Роману. Скоро из-под мха показалась стрела, упиравшаяся в круг. Руки у Романа тряслись, дыхание перехватывало. Скоро весь камень был очищен; с другой стороны на нем оказалось тринадцать параллельных черт. Больше ничего не было.

— Клад где-то здесь зарыт! — проговорил Роман. — Это памятка зарывшего. Но где? Что говорят эти знаки?

— Не под камнем ли клад? — сказал Саша. — Надо свернуть его!

Дружными усилиями всех четверых камень сдвинули в сторону; под ним чернела земля. Уцелевшие у Степки и Юры карманные ножи вонзились в нее; Роман и Саша помогали кольями.

Яма достигла уже аршинной глубины, а все ничего не показывалось.

— Здесь и не будет ничего! — заявил Роман, переставая работать. — Этот камень положен только для опознания места, где зарыт клад, а где он зарыт — помечено знаками. Надо разгадать их!

Посыпались всевозможные предположения. Тринадцать черт, по мнению Романа, значили тринадцать шагов; по предположению Саши — тринадцать сажен; Юры — тринадцатое дерево; Степка заявил, что здесь, должно быть, похоронили тринадцать утопленников. Но что обозначал круг и упиравшаяся в него черта, разгадать никто не мог.

— Все перекопать надо! — решительно заявил Александр. — Весь остров изроем!

— А деревья? — возразил Роман. — С ними что сделаем? Саша прикусил язык.

Стали отсчитывать шаги от камня по разным направлениям: тринадцатый шаг, по некоторым, находился под вековыми соснами, по другим — у кустов или на открытых местах.

В трех из них пробовали разрывать на тринадцатом шаге землю, но труды пропали напрасно.

Уже темнело. Вдали глухо грохотал гром. Небо нет-нет и озарялось отдаленными молниями.

Дождь прекратился. Завывавший ветер вдруг упал; воцарилась зловещая тишина. Ночь надвигалась быстро. Роман и его спутники поспешно выбрали густую столетнюю ель и укрылись под шатром ее. Все молчали.

— Роман! — нарушил тишину голос Саши. — Я, кажется, понимаю, что значит этот круг!

Юра и Степка придвинулись в темноте ближе к нему.

— Что? — спросил Роман.

— Круг — это солнце, — указывающая на него линия — направление. Надо 13 шагов отсчитать на восток и рыть

там.

— Может быть! — проговорил Роман. — Наверное даже, так! — быстро добавил он спустя немного. — Кажется, именно на восток от камня громадная сосна растет...

А ель над головами их начала переговариваться с черными соседними вершинами. Гул и говор бора усиливались; небо словно треснуло, блеснул яркий синий свет и прокатился оглушительный удар грома. Лес смолк на миг и вдруг заревел в ответ. Точно тысячи гигантов ответили грозным криком на вызов неба.

Ветер перешел в ураган: молнии за молниями рассекали небо, и мгновенный свет их позволял различить сотни махавших и метавшихся в воздухе ветвей и сучьев. Ель скрипела и раскачивалась до корня. Вдруг перед самыми глазами путешественников блеснула ослепительная молния; в ту же секунду грянул такой залп, что Александр упал на колени: оглушенный Роман схватился за голову и метнулся на полянку.

— Сюда! сюда! Убьет под деревом! — крикнул он, забыв, что молния никогда не трогает елей; но слова его оборвало и унесло бурей. Обезумевшие от ужаса Степка и Юра припали к земле и зарыли в мох лица. Александр выскочил к Роману.

Где-то неподалеку тяжело рухнуло дерево. На вершине гигантской сосны, росшей шагах в двадцати впереди Романа и Саши, появился синий, похожий на болотный, огонек. Вторая, еще сильнейшая молния ослепила братьев, и новый залп тысяч небесных орудий потряс небо и воздух. Словно раскаленная добела полоса железа быстро скользнула по стволу сосны к корню ее. Раздался гулкий треск, дерево словно разорвало, оно покачнулось и с грохотом грянулось на содрогнувшуюся землю. По счастью, напор ветра опрокинул ее наискось от Романа и Саши.

Как по мановению волшебника, наступила тишина. Словно именно эту сосну пришла из-за морей покарать страшная туча и, свершив свое дело, отозвала невидимые легионы и унеслась дальше.

Когда ослепленные молнией и оглушенные ударами Александр и Роман пришли в себя, ничто не напоминало о пронесшейся буре. Теплый воздух был неподвижен; в лесу ни хрустнуло. По небу в разорванных тучах плыл молодой месяц. Роман и Саша первым делом бросились к ели. Степка и Юра лежали неподвижно. В испуге схватили они их за руки и назвали по имени. Те подняли головы, и у Романа с Сашей, перепугавшихся за их жизнь, отлегло от сердца. После долгих убеждений, что гроза миновала, Юра и Степка сдались и вышли из своего убежища.

О сне забыли и думать. Серебристо-синий свет месяца вызывал и манил из-под деревьев. Обмениваясь испытанными впечатлениями, все вышли на берег, уселись на песчаный откос и стали глядеть на Оку. Справа на ней лежала зубчатая тень от леса их островка. По равнине реки все еще беспокойно ходили темные, местами посеребренные лучами месяца горы; правый, высокий берег в смутном блеске рисовался в отдалении; темно-синий, очищавшийся от туч купель неба казался влекущей к себе необъятной бездной. Все молча любовались видом.

— А где же Саша? — спросил вдруг Роман, заметивший, что на откосе их всего трое.

Никто не видал, когда и куда он скрылся.

Отчаянный, безумный крик, словно ответ на вопрос Романа, прорезал воздух. Роман вскочил на ноги и, что было силы, пустился на крик, донесшийся с недавно оставленной ими поляны. Юра и Степка кинулись за ним. Александру, очевидно, грозила страшная опасность. На бегу Роман вытащил из кармана сунутый им туда нож Юры и, прыгая через кусты, открыл его. Но не пробежал он и до половины пути, как на него налетела и чуть не сбила с ног темная фигура. То был Саша. Узнав Романа, он схватил его и, весь дрожа, обнял.

— Роман! Роман! — задыхаясь, проговорил он. Роман почувствовал, что горячие слезы брызнули ему на щеку.

— Что с тобой? — с недоумением спросил он, едва переводя дух от бешеного бега. Подоспевшие Степка и Юра остановились около них. Саша, не отвечая ни слова, схватил

Романа за руку и потащил за собой. Миновали хлеставшие их кусты, обогнули громадное тело упавшей сосны, и Роман увидел что-то черное, высившееся перед ними; то был вывороченный с землей корень дерева. Саша тащил все сильнее. Они очутились за корнем у ямы. Роман вскрикнул и задрожал тоже. Озаренная месяцем яма светилась тусклым, желтоватым сиянием. Она была полна золотом.

ГЛАВА XX.

Несколько мгновений все стояли как очарованные. Саша первый припал к яме и запустил руку по локоть. Роман, не веря глазам своим, встал на колени, прикоснулся к одному из блестящих предметов и поднял его. Месяц осветил древнюю, чеканной работы, золотую чарку. Тяжело дыша, Роман принялся вынимать вещи одну за другой; все дружно помогали ему. В яме были золотые кубки, мониста, чарки, невиданные уборы, перстни, тяжелые серебряные ковши, полные золотых монет ларчики, стопы, кувшины. Когда вынули наконец последний предмет, около ямы лежала целая гора всевозможных драгоценностей.

Вид сокровищ опьянил всех. Саша, Юра и Степка положительно обезумели; на пробужденной от сна поляне поднялся неистовый пляс с криками, хохотом и взвизгиваньем. Вековые деревья угрюмо глядели, как даже спокойнейший из неведомых им пришлецов, Роман, выхватил из кармана платок и лихо, вприсядку, отдернул с Сашей камаринского...

Взошедшее солнце осветило лес и поляну и ярко и весело заиграло лучами на груди лежавшего у сосны серебра и золота.

— Я угадал! — громко прокричал бесконечно счастливый и гордый Саша. — Смотрите!

Все оглянулись и увидели, что Саша стоит у вещего камня с рукой, указывающей на солнце. Оно всходило из-за ямы, и яма была в 13 шагах от камня.

Рассказывать ли, что было дальше?

Около полдня Роман вплавь перебрался через реку на более близкий левый берег, и оказалось, что остров их и земля, на которую ступил он, принадлежали Софье Степановне. Он миновал несколько десятин, покрытых полузасыпавшимися рвами и валами древнего городища, и вошел в усадьбу. По счастью, письмо Софьи Степановны к управляющему, лежавшее у Романа в кожаной записной книжке,

уцелело. Прочитав его, тот принял Романа приветливо, снабдив его всем, что требовалось, и вечером того же дня счастливые и довольные путники наши мчались в вагоне по железной дороге.

Несмотря на все желание попасть скорее домой и обрадовать отца и мать находкой, Роман сдержал свое обещание и заехал к сестрам-помещицам. Те приняли их как родных. Роман развязал четыре средней величины мешка, в которые были уложены найденные драгоценности, и выложил их все перед сестрами с тем, чтобы они отобрали себе все, что им угодно. И Софья Степановна и Марья Степановна взяли только — одна небольшой кубок, другая кольцо и монету на память о случившемся. Закормленные всякими яствами и сладостями путешественники под вечер пустились далее и на другой день с грузными мешками в руках вошли в спальню матери. Отец сидел около кровати и читал ей вслух какую-то книгу. Зина стояла у изголовья. Увидав вошедших, отец сначала не признал их: до того загорели и почернели те; платья на всех были затасканы и истерты, порыжелые сапоги сбиты и изорваны.

— Роман? Саша? — с изумлением проговорил он, узнав наконец их и подымаясь с кресла. — Откуда вы явились такие? Что с вами?

Роман, а за ним остальные молча и осторожно вытряхнули содержимое своих мешков на пол. Золото и серебро посыпалось к ногам отца.

— Это что? — с еще большим изумлением спросил тот. — Откуда? Что это?

— Клад, папа! — взволнованно ответил Роман, обнимая отца, то мать, то Зину. И он рассказал все, что произошло с ними.

Как встречены были рассказ этот и сами они, сколько пролилось радостных, благодарно-счастливых слез — не будем говорить, конечно. Скажем только, что $\frac{3}{4}$ найденных предметов были проданы за огромную сумму, превысившую долг по имению. Остальную четверть сохранили на память братья, Зина и мать с отцом. Когда сияющий отец привез из города деньги, Роман спросил у него 500 рублей и, запе-

чатав в пакет, отправил в монастырь Иоанна Богослова «старцу Савватию на хлеб для бедных от благословенных им». Подписи никакой не было.

Софье Степановне и Марье Степановне посланы были всевозможные подарки и конфеты и, между прочим, два чудных пушистых пледа и два шелковых зонтика с резными ручками из слоновой кости. Степка получил три тысячи рублей, скоро женился и сделался богатым мужиком. Все зажили весело и счастливо. Зина вышла замуж за очень хорошего человека; ныне Саша — один из начинающих входить в моду талантливых адвокатов. Юра кончает университет, Роман — археолог. Путешествия сделались его страстью. Квартира его полна всевозможными диковинными древними предметами; в стеклянном же шкафу, на самом видном месте, хранится серебряный ларец с монетами Бориса Годунова и Смутного времени; вокруг него стоят кубки и ковши тех же времен. И когда кто-нибудь спрашивает его о них, Роман отвечает, что это часть счастливого клада, добытого в юности им с братьями и, улыбаясь, рассказывает, что пережили они тогда, в далекие, ставшие милыми сердцу дни и что изложено уже в этой книге.

Повесть С. Р. Минцлова «Клад», впервые увидевшая свет в 1900 г., переиздавалась затем в 1902 и 1911 годах, а также после эмиграции автора – в 1929 г. (Берлин-Париж, изд. «Москва»). Наша публикация основана на издании 1911 г.; в тексте исправлены очевидные опечатки, орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.